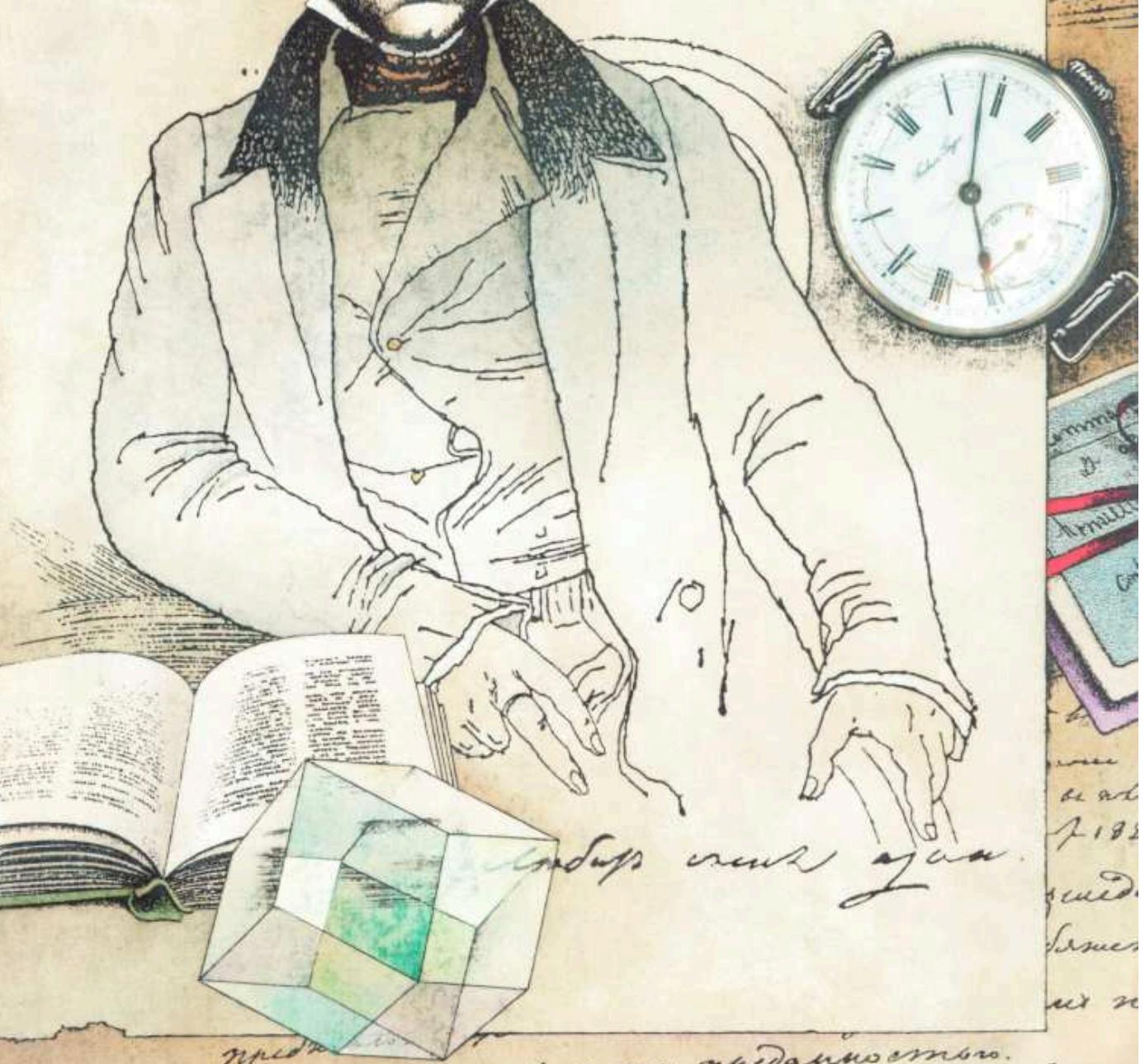

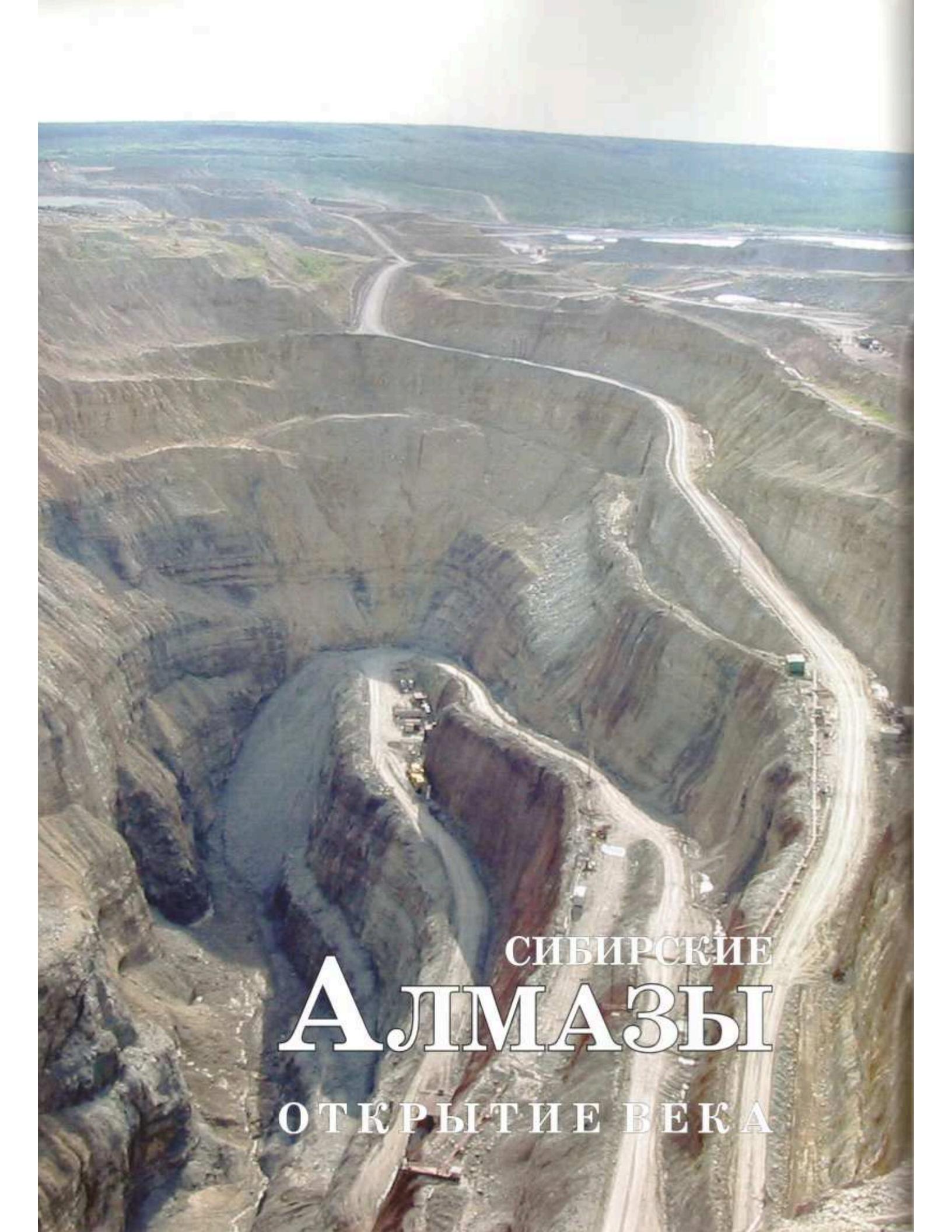
Санкт-Петербургский детский исторический журнал

АВТОБУС

№5 2004

представляем
теперь в машинной передаче старт.
Наша машина для

An aerial photograph of a large-scale open-pit mining operation, likely a diamond mine. The image shows deep, tiered excavation pits with various mining equipment and structures visible at the bottom and along the edges. The surrounding terrain is hilly and shows signs of extensive earthmoving. A winding road or track follows the edge of one of the pits.

СИБИРСКИЕ
АЛМАЗЫ
ОТКРЫТИЕ ВЕКА

Невероятная судьба

ЗАБЫТЫЙ
АРХИТЕКТОР

СКАЗКА в КАМНЕ

ОТКРЫТАЯ
ШКОЛА

Письма
бархатного тестя

АЛМАЗЫ

В этот номере мы продолжим рассказ о вкладе в культуру Петербурга представителей самых разных национальностей. Герои двух статей — уроженцы Украины, архитекторы Николай Павлович Гребёнка, построивший в Петербурге более 70 зданий, и Алексей Фёдорович Бубырь, один из самых выдающихся архитекторов стиля северный модерн.

Важный источник наших знаний о Петербурге прошлых веков — письма и воспоминания иностранцев, живших в нашем городе. Сегодня вы взглянете на Петербург 1870-х годов глазами одного известного датчанина. Вы узнаете также об истории поиска и открытия месторождений алмазов в Советском союзе.

А открывает номер статья об удивительной женщине, уроженке Финляндии, оставившей добрую память в Петербурге, Хельсинки, Париже... Помните? — в прошлом номере мы рассказали о Елизавете Кульман, родившейся в 1808-м и умершей в 1825 году. Аврора Шернваль, которой посвящены статьи в этом и следующем номерах, тоже родилась в 1808 году, а умерла... в 1902-м!

Назовите известного петербуржца, чей портрет украшает обложку этого номера. Напишите, чем он прославился.

Вопросы этого номера мы тоже разместим на полях, а посвящены они будут Эрмитажу.

Обещаем напечатать самые интересные ответы и наградить их авторов билетами на интереснейшие экскурсии Центра «ЭКЛЕКТИКА». Желаем удачи!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АВТОБУС

№ 5 (N 36) 2004

Невероятная судьба
стр. 2

Сергей Сергеевич
Шульц
стр. 6

Забытый архитектор
стр. 8

Сказка в камне
стр. 11

Открытая школа
стр. 16

Эпопея страданий
стр. 20

Письма
варяжского гостя
стр. 24

Сибирские
алмазы — открытие
века
стр. 29

СЛОВАРЬ

В словарных статьях речь пойдёт о камнях Карелии и Финляндии, которыми украшены дома и набережные Петербурга.

Невероятная судьба

ИГОРЬ
ВОЕВОДСКИЙ

Аурора Карловна Демидова. 1838 г.
художник К. П. Брюллов

Статью про Аурору Шернваль обещал написать замечательный историк Сергей Сергеевич Шульц. Мы обсудили с ним все детали и должны были уже получить текст, как вдруг узнали о неожиданной смерти Сергея Сергеевича. В память о Сергееве Сергеевиче Шульце мы подготовили статью по его книге «АВРОРА», вышедшей в этом году. О самом Сергееве Сергеевиче читайте на 6-й – 7-й страницах.

Отец Ауроры, Карл Йохан Шернваль, тринадцати лет от роду начал службу пажом при дворе шведского короля Густава III (это вторая половина XVIII века). Когда Аурора умерла, венок на её могилу возложил адъютант Николая II (начинался век XX).

Когда в 1900 году ей сообщили, что спущенному на воду крейсеру дали её имя, Аурора Карловна сказала: “Только бы это не сказалось трагически на его судьбе”.

Она родилась 1 марта 1808 года, а за несколько дней до этого русская армия вторглась в пределы Финляндии, и началась последняя в истории русско-шведская война, завершившаяся присоединением Финляндии к России. Отец Ауроры во главе небольшого шведского отряда был окружён превосходящими русскими войсками и взят в плен. Вскоре его выпустили, и он ещё некоторое время сражался против русских. Когда война закончилась, он в числе четырёх шведских офицеров, живших в Финляндии, представил Александру I идеи устройства

Финляндии в составе России. Потом он стал губернатором Выборга и за короткий срок изменил к лучшему жизнь города. Ещё он успел принять участие в войне 1812 года, войти с русскими войсками в Париж. Вскоре после возвращения домой Карл Йохан Шернваль умер.

Ауроре в это время не было и семи, а её матери исполнилось 32 года. Оставшись с сыном и тремя дочерьми, она вскоре вышла замуж за друга своего детства – Карла Йохана Валлена, нового губернатора Выборга. Он стал не только любящим мужем, но и заботливым и любящим отцом

её детям. Все они получили прекрасное воспитание и образование: Аврора, например, свободно говорила по-немецки, по-шведски, по-фински, по-французски и по-русски.

От первого брака у Евы Шернваль осталось четверо детей, ещё пятерых она родила в браке с Валленом. Поэтому когда бездетная сестра попросила её отпустить любимую племянницу – Аврору – к ней в Петербург, Ева согласилась. Аврора провела в Петербурге пять лет и вернулась к семье в 1821 году. Семья в это время перебралась из Выборга в Гельсингфорс (сейчас – Хельсинки), потому что Карл Йохан Валлен стал прокурором Финляндии.

В 1824 году шестнадцатилетнюю Аврору вывозят в свет, и тут же у неё появляются поклонники: поэт Евгений Баратынский, служивший в Финляндии в Нейшлотском полку, барон Карл Густав Маннергейм и адъютант губернатора Финляндии Александр Муханов. Аврора была ослепительно красива. К этому надо добавить её широкий кругозор, её глубокий ум и прекрасные манеры. Баратынский посвятил ей несколько стихотворений. Поклонников было много, но Аврора отдала своё сердце молодому адъютанту.

Двадцатичетырёхлетний Александр Муханов и шестнадцатилетняя Аврора горячо полюбили друг друга. Так горячо, что её родители, видевшие, что дело серьёзно, стали наводить справки об Александре и его семье: родители не желали этого брака. Оказалось, Муханов принадлежал к старинному роду, но родители не спешили выдавать замуж шестнадцатилетнюю дочь, а Аврора не смела нарушить родительскую волю.

Вскоре Муханова перевели в Россию, и, казалось, увлечение молодых прошло, всё забылось. Но сколько потом ни появлялось претендентов на руку и сердце Авроры, она всем отказывала. Пролетело целых десять лет. Александр Муханов участвовал

в войне с Турцией, перенёс смертельную болезнь, вышел в отставку и устроился служить в Московский архив. Аврора уже была представлена императору, блестала своей красотой при дворе, очаровывала завсегдатаев самого музыкального дома Петербурга (а быть может, и Европы) – дома Виельгорских. Михаил Виельгорский написал в её честь мазурку “Аврора”, Пётр Вяземский посвятил ей стихотворение.

И вот они встретились вновь – “северная Аврора” и утомлённый жизнью и измученный болезнями бывший корнет. И оказалось, что ни Аврора, ни Муханов не изменяли своему чувству. Любовь вспыхнула с новой силой и, казалось, воскресила Александра, мучимого до этого постоянными головными болями и приступами лихорадки. Было получено долгожданное согласие родителей на свадьбу, и Аврора отправилась в Гельсингфорс, куда должен был затем приехать жених. Но за неделю до свадьбы из Петербурга пришло известие о болезни Муханова. Аврора мчится в Петербург, но – поздно: её жених умирает в тот самый день, на который была назначена свадьба. Потрясённая, Аврора с братьями и сёстрами Муханова едет в их родовое поместье, где Александра хоронят, и проводит там несколько месяцев, оплакивая своего 34-летнего жениха.

Осень 1835 года Аврора провела с родителями в Финляндии, а в начале зимы пришло известие о назначении её фрейлиной в свиту императрицы Александры Фёдоровны. В феврале 1836 года Аврора Шернваль-Валлен предстала перед императрицей. Она понравилась императрице, подружилась с дочерьми императора и погрузилась в специфическую фрейлинскую жизнь при дворе. А спустя несколько месяцев к ней посватался один из богатейших людей России – Павел Николаевич Демидов.

Владелец уральских заводов, имений и хозяйств в Крыму, он детские годы провёл в Наполео-

Ева и Карл Йохан
Шернваль,
мать и отец
Авроры Шернваль

Аспидный сланец
Чёрный плотный
материал,
образовавшийся из
осадочных веществ под
воздействием высокого

давления и больших температур. Добывался на берегах Онежского озера в районе города Кондопога. Плохо полируется, но при тщательной шлифовке принимает благородный насыщенный чёрный цвет. Таким мы видим его в интерьере Исаакиевского собора, где аспидным сланцем отделаны цоколи стен и пилонов. Плиты аспидного сланца можно увидеть и в полу Казанского собора.

А знаете ли вы,
сколько
в Эрмитаже
экспонатов?

Валаамский гранит
Добывался монахами
Валаамского
монастыря на острове
Сюсюяисаари
(или острове Святого
Германа), недалеко от
г. Питкяранта.
Этот карьер действует
и сегодня.
Неоднородный по
окраске и сложению
камень имеет
насыщенный красный
цвет. Часто на
монотонно-красной
поверхности камня
можно видеть
извилистые полоски и
«струи» тёмной слюды
или тонкие

B

светло-розовые жилки
микроклина. Такие
неоднородности и
создают уникальный
природный рисунок
гранита. Валаамский
гранит использован при
облицовке дома 40 по
Б. Морской улице,
особняка Матильды
Кшесинской на П.С.,
дома 46 по Невскому
проспекту. Из него
высечен пьедестал
памятника
Н.А. Римскому-Корсакову
на Театральной
площади.

новском лицее во Франции. С началом войны 1812 года отец перевёз сына в Россию. Четырнадцатилетний юноша вступает в полк Московского ополчения, участвует в Бородинском сражении. За проявленную храбрость его производят в прапорщики, и с регулярными войсками он доходит до Парижа. Когда умер его отец, Николай Никитич, Павлу было 30 лет. Вступив в права наследства, он, как и отец, и младший брат, тратит огромные средства на благотворительность в России, Франции, Австрии, Италии. В 1830 году им при Императорской Академии наук учреждена Демидовская премия, ежегодно присуждаемая за лучшее научное сочинение. Среди получивших её были Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов, П.Л. Чебышев, И.М. Сеченов, Ф.П. Литке, Ф.П. Врангель, И.Ф. Круzenштерн. С 1831 году Павел Николаевич становится губернатором Курской губернии. Это были годы жесточайшей эпидемии холеры, и Демидов на свои средства создаёт сеть госпиталей, приглашает в них лучших врачей, закупает меди-каменты. Всеми силами он также борется в своей губернии со взяточничеством и коррупцией. В 1834 году «по расстроенному здоровью» его причисляют к Министерству внутренних дел, а вскоре жалуют егермейстером Высочайшего двора.

Будучи богатейшим и интереснейшим человеком, Демидов был, однако, довольно некрасив и нескладен. Сестра Авроры писала родителям, что «он большой, как башня». Когда он сватался к Авроре, ему было тридцать семь лет (он был старше Авроры на десять лет), и он был довольно больным человеком, страдал излишней полнотой. Дважды Аврора отвечала отказом на его предложение, говоря, что питает к нему искреннюю симпатию, но хочет оставаться верной памяти Муханова. В третий раз сватовство Демидова поддержала императрица. Вот как об этом писала дочь Николая I, Ольга:

«Поль Демидов, богатый, но некрасивый человек, хотел на ней жениться. Дважды она отказывала ему; но это его не смущало, и он продолжал добиваться её руки. Лишь после того, как маман с ней поговорила, она сдалась...» В начале июня объявили о помолвке, свадьба должна была состояться в октябре в Гельсингфорсе. Для красавицы-супруги Демидов заказал О. Монферрану особняк на Большой Морской. Позже, узнав, что архитектор приобрёл соседний участок для строительства собственного дома, он уговорил Монферрана продать и этот участок ему и построить на нём ещё один особняк. Эти дворцы-особняки (дома 43 и 45) и сегодня красуются на Большой Морской.

К середине октября в Гельсингфорс на свадьбу съехалась многочисленная родня, но... свадьбу пришлось и на этот раз отложить. Лечившийся всё лето в Баден Бадене Павел Демидов оказался не в состоянии приехать. Свадьба состоялась 21 ноября 1836 года, а 11 декабря молодожёны присутствовали на балу, данном в их честь гельсингфорским дворянством. Павел Николаевич устроил ответный праздник с богатыми подарками, пожертвовал огромные суммы на нужды финской столицы. Свадебным подарком Авроре был алмаз «Санси» весом более 54 карат. Алмаз был привезён в Европу ещё в XV веке и до Великой Французской революции украшал корону французских королей.

После празднеств Демидов стал продолжать лечение у местных врачей, и жена одна вернулась в Петербург, чтобы отблагодарить императорскую чету.

В Петербург Аврора приехала спустя всего два дня после смерти Пушкина. Потрясённая известием о смерти поэта, с которым она была хорошо знакома, Аврора упросила Петра Вяземского подробно описать обстоятельства дуэли предшествующие ей события. Александр Иванович Тургенев, вернувшийся

из Михайловского, полный тягостных воспоминаний, упоминает в письме о своём печальном разговоре с Авророй и добавляет: "Ещё сердце бьётся при воспоминании о ней".

Император был весьма недоволен, узнав, что Аврора вернулась без мужа, но смягчился, когда выяснилось, как серьёзно Демидов болен. Вернувшись снова к мужу, Аврора окружила его заботой, разыскала самых лучших врачей, и летом 1837 года супруги смогли, наконец, вместе отправиться в Петербург. Один из друзей семейства Валленов писал родителям Авроры: "Он и жена — как пара голубей. Я убеждён, что господин и гос-пожа Демидовы счастливы..." Множество воспоминаний той поры рисуют дом Демидовых. "Не одним своим огромным богатством, писал Владимир Соллогуб, — которого в те времена было недостаточно, чтобы втесаться в большой петербургский свет, но своим просвещённым поощрением искусству и наукам, своюю широкой благотворительностью Демидовы завоевали уважение..." Писали о богатстве приёмов в их доме и изумительном вкусе Авроры, появлявшейся на балах в самых скромных нарядах. Добавляют, правда, что единственным украшением был "...знатный демидовский бриллиант-солитер, купленный, кажется, за миллион рублей ассигнациями".

В эти годы Карлом Брюлловым был создан портрет Авроры Демидовой.

Весной 1838 года Демидовы отправились в путешествие по Европе. Они искалечили Германию и Францию, а затем остановились во Флоренции у брата Павла Николаевича — Анатолия. Это тоже была яркая личность в роду Демидовых. Годовалым ребёнком мать увезла Анатолия в Париж, так что первые слова он произнёс по-французски, и по-русски потом говорил очень плохо. После смерти матери отец увёз сына во Флоренцию. Анатолий так и остался жить в Италии. В будущем он станет

известен, как "князь Сан-Дона-то". Как и брат, и отец, он тоже жертвовал огромные суммы на

Павел Николаевич
Демидов.
Вторая половина 1830

благотворительность, науку и особенно на искусство, большим ценителем которого был. Достаточно сказать, что именно он заказал Карлу Брюллову картину "Последний день Помпеи".

Анатолий собрал к брату лучших врачей, и лечение, казалось, дало свои результаты. Из Италии Павел и Аврора Демидовы отправились в Германию, и 9 октября 1839 года в Веймаре у них родился сын. Счастью родителей не было предела! Было решено вернуться в Петербург, где спешно обновлялись интерьеры дома на Большой Морской. Но неожиданно здоровье Павла Николаевича резко ухудшилось, и 25 марта 1840 года он скончался на руках супруги в Майнце.

В Петербург Аврора Карловна вернулась с полугодовалым сыном и гробом мужа.

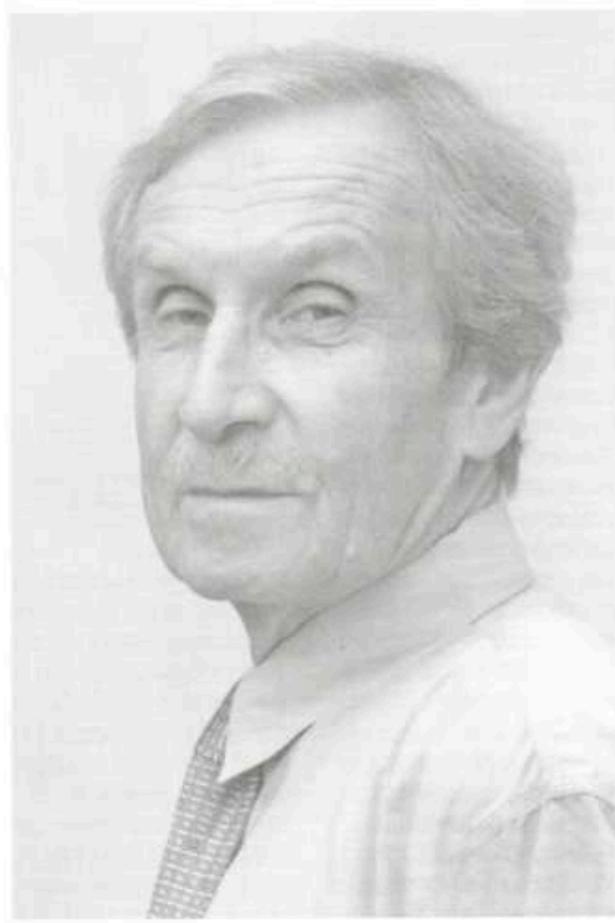
(Продолжение в следующем номере)

Иллюстрации к статье предоставило издательство ДЕАН, выпустившее книгу Сергей Шульц «АВРОРА». Издательство ДЕАН, СПб., 2004 г.

Перечислите десять правил поведения на «эрмитажных собраниях» Екатерины II. Какой «живой груз» для Зимнего дворца привезли по приказу императрицы Елизаветы из Казани и для чего?

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ШУЛЬЦ

С ним я познакомился в 2000 году. В одно из посещений Российской национальной библиотеки десятиклассница Аня Драгомарецкая, слушательница Юношеского Университета Петербурга, которой я помогал в ее исследовательской работе по истории Васильевского острова, подвела меня к уставленному большими стопками книг столу с табличкой «Для докторов наук» и представила, как своего руководителя и редактора журнала «Автобус», энергичному седовласому человеку небольшого

роста. Я много раз видел его в читальном зале литературы и искусства и даже раскланивался с ним, как это обычно делают постоянные читатели «публички». Это был Сергей Сергеевич Шульц. Он тут же сообщил нам о дате своей лекции по истории российских немцев и пригласил в редакцию журнала «Звезда» на обсуждение его статьи об Иосифе Бродском.

Я подивился широте интересов моего нового знакомого, поскольку знал Шульца как автора справочника «Храмы Санкт-

Расскажите о самых известных часах Эрмитажа.

Петербурга. История и современность», которым мы постоянно пользовались на занятиях семинаров. Аня сказала мне, что Сергей Сергеевич, как и его отец (тоже Сергей Сергеевич), – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры исторической геологии Санкт-Петербургского университета и что он, как и я, увлечён историей петербургской топонимики. А с Бродским он не только работал в геологических экспедициях, но дружил и обменивался стихами, за что не раз был вызван на допросы в кабинеты КГБ.

Я решил при случае спросить его о «топонимических» поисках. Новая наша встреча произошла на конференции «Петербургские немцы» в Доме архитекторов на Большой Морской, где мы оба выступали с докладами. Он был блестящий лектор, он умел так доходчиво и интересно рассказывать о самых сложных предметах, что его приходили слушать и профессора, и школьники. Свою речь он любил пересыпать шутками и даже анекдотами, но делал это всегда с большим вкусом. Тогда в Доме архитектора Сергей Сергеевич поведал мне, что ему удалось расшифровать рукописный шведский план Ниеншанца (XVII век) и пообещал написать в «Автобус» статью о топонимике этого города. Кроме того, он показал мне переписанный им в тетрадку список петербургских улиц, составленный в конце XVIII века императором Павлом Петровичем. Увы, обещанную статью написать он не успел...

Сергей Сергеевич Шульц-младший родился в 1934 году. После окончания школы он с 1951 года учился на восточном и историческом, а с 1954-го – на геологическом факультетах Ленинградского университета. Окончив в 1957 году университет с отличием, он начал работать во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте им. А.П. Карпинского, стал учёным-геологом, старшим

научным сотрудником. Профессиональные научные интересы Сергея Сергеевича лежали в области общей и региональной тектоники, металлогении, сравнительной планетологии, дистанционных методов геологических исследований. В университете он читал курсы лекций по истории идей в геологии, новейшей тектонике, сравнительной планетологии. По результатам своих исследований Сергей Сергеевич опубликовал более 150 работ.

Большинству горожан Сергей Сергеевич Шульц-младший известен как краевед и историк, самобытный поэт, друживший с И. Бродским, Е. Рейном, В. Уфлиндом, Я. Гординым, Д. Бобышевым, как популяризатор петербургской культуры. Кроме упомянутой книги «Храмы Санкт-Петербурга» (1994), хорошо известны его книги «Бродячая собачка» (1997), «Дом искусств» (1997), статьи в журнале «Звезда», газете «Sankt-Petersburgische Zeitung», работа в многотомной энциклопедии «Российские немцы», которую он выполнял как действительный член Академии российских немцев, лекции по истории и культуре Петербурга, отличавшиеся глубоким раскрытием темы и научной доказательностью.

Будучи членом Русского генеалогического общества, Сергей Сергеевич кропотливо изучал историю дворянских семей Белосельских-Белозерских, Бенкendorфов, Богдановых, Воронцовых, Воронцовых-Давыдовых, Генкель фон Доннерсмарки, Карповых, Милорадовичей, Некрасовых, Новалинских, Полуботков, Тиановых, Чарнышев, Шиповых, Шульцев, Шульцев фон Ашераденов, Щербатовых, Шулепниковых, Юзефовичей. Недавно вышла его книга об Авроре Карловне Карамзиной – итог многолетнего серьёзного исследования, кропотливой работы в архивах, изучения редких документов и воспоминаний. А журнал «Звезда» начал публикацию его труда по истории Невского проспекта.

Петербург основал Пётр I, это знают все. А кто основал Эрмитаж?

Монастырский гранит

Также добывался монахами Валаамского монастыря.

Месторождения находились на острове Путсари, в Ладожском озере. Его можно видеть в пьедестале памятника Екатерине II. Монастырский гранит имеет розовую окраску, которую придают породе кристаллы полевого шпата – микроклина. Расположенные почти параллельно друг

M

другу, они имеют прямоугольную, «таблитчатую» форму. Пространство между кристаллами микроклина заполнено более мелким зернистым материалом серого и чёрного цветов. Сочетание этих особенностей внутреннего строения объясняется формированием монастырского гранита под воздействием высоких давлений и температур.

Александро-Свирское
подворье.
Угол Разъезжей и
Боровой улиц

ЗАБЫТЫЙ АРХИТЕКТОР

ТАТЬЯНА
ЛЕБЕДИНСКАЯ

Дом на наб. канала
Грибоедова 80/5

Есть архитекторы, ставшие известными, построив всего два три здания. Николай Павлович Гребёнка является примером прямо противоположный: архитектор возвёл только в Петербурге 79 зданий, строил в Сортавале, Новгороде, Рыбинске. Тем не менее, его имя ничего не говорит большинству жителей города. А жаль!

Творчество Гребёнки приходится на 50-е – 70-е годы XIX столетия, середина которого знаменуется началом массового строительства жилья. В книге И. Пушкарёва «Описание Санкт-Петербурга», изданной в 1839 году, отмечается, что «постройка новых зданий в Петербурге производится с быстротою почти невероятною... Едва только положат фундамент, как через пять месяцев делается огромный дом в три и более этажей, в котором на другой год все комнаты, от чердака до уголка дворника, наполняются постояльца-

ми... Торговля домами приносит здесь больше выгоды».

В это время требовались не только и не столько дворцы, сколько жильё для рядовых горожан. Так называемые доходные дома постепенно приобретали свои специфические черты. Фасады часто делались упрощёнными, наряду с лицевыми корпусами возводились внутренние и боковые флигели. Световые дворики становились всё меньше.

Одним из тех, кто возводил такие дома, и был Николай Павлович Гребёнка (1820-1880). Он постоянно находился в тени своего знаменитого брата, украинского писателя Евгения Павловича Гребёнки (1812-1848). Оба они жили, работали и умерли Санкт-Петербурге.

Н.П. Гребёнка родился 9 февраля 1820 года в Полтавской губернии. С 1835-го по 1843 год учился в Петербургской Академии художеств на архитектурном отделении. Это был неутомимый

архитектор-строитель, о котором говорили, что «почти 1/8 часть Петербурга обстроена им». В этих словах нет преувеличения – действительно, как уже отмечалось, Гребёнка построил или перестроил более семидесяти зданий в Петербурге. Многие его постройки сохранились до наших дней, другие вошли в состав новых.

Жили братья преимущественно на Васильевском острове. Евгений Павлович, выдающийся украинский писатель (кстати, автор стихотворения «Чёрные очи», легшего в основу знаменитого романа «Очи чёрные»), в письме к Новицкому от 10 марта 1836 года называет свой адрес: «...я стою на квартире на Васильевском острове по той линии, где Академия художеств, т.е. в 4-ой, дом Алексеевой, 56 [ныне это дом 51]». Здесь Евгений Павлович познакомился с Тарасом Шевченко. Бывал Тарас Григорьевич и в доме Клеменса по Загибенину переулку на Васильевском острове (ныне дом 9 на Съездовской линии), куда переехал Е.Н. Гребёнка после женитьбы. В его квартире собирались многие известные литераторы, художники, артисты: И.И. Панаев, В.Г. Бенедиктов, В.И. Даля, Н.В. Кукольник, П.П. Ершов, С.С. Гулак-Артемовский. На Васильевском острове архитектор построил несколько доходных домов на 5-й, 9-й, 14-й, 17-й линиях, особняк Г.П. Елисеева, склады торгового дома «Братья Елисеевы» в Биржевой линии и собственный особняк на Малом проспекте, 16.

Были ли у братьев общие интересы? Думается, что да: у Евгения Павловича есть заметки о градостроительстве в столице в 40-х годах XIX столетия. Он пишет о возведении дворцов, об улицах, где строились дома победнее, о постепенном расширении города на юг, в сторону Московской заставы. А Николай Павлович как раз занимался сооружением относительно недорогих жилых зданий... Можно предположить, что братья беседовали на эту тему.

Свои первые постройки – доходные дома в Соляном переулке,

Невский просп., 14

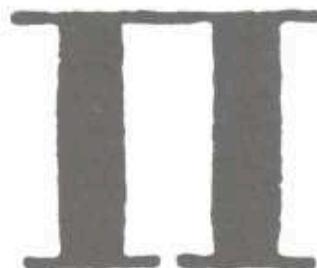
14 и на Фонтанке, 179 – Николай Гребёнка спроектировал и построил в 1844 году, сразу по окончании Академии художеств (оба дома позже перестроены). В следующем строительном сезоне по проекту двадцатипятилетнего архитектора на Садовой улице, 31/34 (угол Гороховой) был возведён дом купца и табачного фабриканта В.Г. Жукова, предназначенный для сдачи внаём. Зодчий непосредственно руководил строительными работами, в которых было занято восемьсот человек. Здание было сооружено (без внутренней отделки) за пятьдесят дней. В одном из номеров журнала «Иллюстрация» за 1844 год читаем: «9 августа этого года на углу Садовой и Гороховой начали ломать старый каменный дом, около половины октября на этом месте уже красовался под крышей каменный дом в четыре этажа, с подвалами, изящной благородной архитектуры, словно волшебство, созданный капиталом и стараниями Жукова и талантом молодого нашего архитектора Н.П. Гребёнки».

С этого времени заказчиками Николая Павловича стали богатейшие купцы Елисеевы, Гурьевы, Овсянниковы. За тридцать пять лет своей деятельности Гребёнка стал одним из самых популярных архитекторов массового жилого строительства. В 1852 году он был удостоен звания академика архитектуры.

Архитектор разработал интересные образцы предельно

**Путиловская плита
(путиловский известняк)**
Название происходит от Путиловской горы в окрестностях Тихвина, где задолго до основания Петербурга добывался этот слоистый известняк. Он легко раскалывался на плиты одинаковой толщины и использовался ещё строителями древних Новгорода и Пскова.

Залежи его от Ладожского озера протянулись по южному берегу Балтийского моря до Скандинавского полуострова, поэтому

можно и в Швеции увидеть колонны и полы из этого камня. А в центре Петербурга все здания имеют сложенные из пущиловской плиты цоколи и лестницы.

Старые каменщики знали, что Путиловская плита имеет 12-13 слоёв, и не все годны для отделки зданий. Современные мастера об этом часто забывают, оттого отделка, выполненная несколько лет назад, вдруг начинает осыпаться.

Собор
Андрея Первозванного

Дом на Большой Морской
улице, 66

Дом на наб. Обводного
канала, 151-153

упрощённой трактовки неоренессансных мотивов в виде системы плоских поэтажных лопаток. Два таких дома были построены в 1849-1850 годах. Один из них, на углу Большой Конюшенной и Конюшенного переулка, другой – дом К. Вельша на Екатерининском канале, 17 (ныне канал Грибоедова). Оба спроектированы в соавторстве с архитектором А.И. Ланге.

Крупномасштабное строительство доходных домов требовало архитектуры и композиции зданий, отличных от возводившихся ранее дворцов. Классицизм, в том числе поздний, сменился эклектикой. Об усилиях Николая Павловича в этом направлении свидетельствует фасад дома М.Ф. Руадзе (Большая Морская, 16). Здание было начато в 1851-1852 годах архитекторами А. Робеном

Типичный тому образец – дом штабс-капитана А.П. Козлова, построенный им в 1866-1867 годах (Большая Морская улица, 56). Фасады дома, декорированные обильной лепкой, выходят на Большую Морскую, Почтамтский переулок и набережную Мойки. Кроме доходных домов, Гребёнка строил особняки, административные, торговые и складские здания, создал проекты нескольких храмов.

Участие зодчего в культовом строительстве началось с расширения собора Андрея Первозванного на Васильевском острове: в 1848-1850 годах он пристроил к трапезной боковые приделы. Внутреннюю отделку храма выполнил в 1858 году А.М. Горностаев. По проекту Гребёнки в 1866-1871 годах на углу Боровой и Разъезжей улиц была сооружена церковь св. Александра Невского при подворье Александро-Свирского монастыря. В 1889-1891 годах здание было перестроено архитектором Н.Н. Никоновым, а в 1950-х годах было до неузнаваемости искалено и приспособлено под медицинское учреждение.

В 1869-1873 годах по проекту Гребёнки была построена церковь-усыпальница во имя чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Церковь возводили на средства братьев-купцов Д. и Н. Полежаевых с тем, чтобы под ней находились могилы представителей этого семейства. Храм был одноэтажный, с массивным верхом, увенчанным маковкой. В 1930-е годы здание сделали двухэтажным, уничтожили внутреннюю и внешнюю отделку и разместили в нём почту и общежитие. В 1985 году после капитального ремонта здесь был создан выставочный зал Музея городской скульптуры. Сегодня в переделанном виде церковь-усыпальницу не узнать.

Архитектор умер в 1880 году и был похоронен в Петербурге на Смоленском кладбище. Могила его утрачена.

и Р.А. Желязевичем, но часть, выходящая на Мойку, возводилась во второй половине 1850-х годов Н.П. Гребёнкой.

В середине XIX века в районах аристократической застройки доходные дома нередко вытесняли особняки разорившихся вельмож, но своими фасадами они зачастую походили на них. Стремление к роскоши, богатству заставляло обращаться к стилистике необарокко. Николай Павлович успешно использовал это направление.

СКАЗКА В КАМНЕ

ИГОРЬ ВОЕВОДСКИЙ

Первые 15 лет XX века подарили нашему городу чудо или, если хотите, сказку северного модерна. Всего за 15 лет были выстроены почти все дома на Каменноостровском проспекте, десятки зданий на Большом проспекте П.С. и на пересекающих его улочках, на Невском и Загородном проспектах, на набережных Фонтанки и Мойки... Множество шедевров, построенных за 15 лет! Это звучит неправдоподобно. Наверное поэтому, зная и уверенно перечисляя петербургских архитекторов любых стилей, обратившихся к архитекторам модерна, многие назовут всего двух-трёх.

Одним из блестательных мастеров модерна был архитектор Алексей Фёдорович Бубырь. Уроженец Екатеринославской губернии, выпускник Екатеринославской гимназии, этот *украинский парубок*, окончив в Петербурге Институт Гражданских инженеров, превратился в одного из самых блестательных мастеров финского модерна. Созданные Алексеем Бубырём здания, как и постройки выдающихся финских архитекторов, поражают игрой архитектурными масса-

ми, свободным соединением на одном фасаде окон самых разных, самых причудливых форм, фантастически разнообразными завершениями зданий с башенками, щипцами, фронтонами, мансардами, дымовыми трубами.

Взглянем на дом на Стремянной, 11, построенный Бубырём в соавторстве с Н.В. Васильевым. Вот уж верно – «сказка в камне»! Фасад, выходящий на узкую улочку, можно рассматривать часами. При первом взгляде бросается в глаза его асимметричность: эркер, протянувшийся с 3-го по 5-й этажи и возносящийся над плоскостью крыши, сдвинут влево от центральной оси, а въездная арка сдвинута чуть вправо от центра. Затем замечаешь разнообразие отделочных материалов: серый и красный гранит, горшечный камень, штукатурку «затёртую» (т.е. гладкую) и шероховатую, керамическую плитку, металл балконных перил, медное покрытие купола. А дальше... дальше надо долго застываешь, чтобы рассмотреть многочисленные фигуры и маски, разбросанные по всему фасаду. Но заглянем во

Дом 11 на Стремянной улице

двор. Лишённые скульптурного декора, дворовые фасады поражают игрой объёмами: полу-кругом выступает из плоскости стены парадная лестница, над ней на уровне последнего этажа нависает эркер, напоминающий средневековые постройки. Ещё одна лестница выделана прямоугольным эркером. Окна дворовых фасадов тоже достаточно разнообразны. Задумавшись над тем, как удивительно вписаны в план здания лестницы, возвращаемся на улицу, не упустив, конечно, из виду гараж, построенный справа от арки, и не про-глядев волшебное превращение водосточной трубы (отводящей воду с козырька над входной дверью) в перила крылечка и одновременно в змею.

Дом 11
на Стремянной
улице

проекта: один – в содружестве с Васильевым, другой – с Ильиным.

По приглашению архитекторов Вирриха и Зазерского Бубырь и Васильев приняли участие и в строительстве одного из крупнейших жилых комплексов начала XX века – зданий Бассейнового товарищества для устройства постоянных квартир, занимающих два квартала между улицей Некрасова, Греческим проспектом, Фонтанной улицей

Выйдем снова к уличному фасаду. Два правых окна второго этажа тоже украшены какими-то неведомыми существами. Чуть выше в игру включается металл, а свод ниши над балконом 5-го этажа завершается изображением солнца, луны и звёзд. Резные украшения верхних этажей разглядеть сложнее, поэтому они делаются ещё более обобщёнными: не то – филины, не то – человеческие маски.

Этот дом – первая из совместных работ Бубыря и Васильева. Вместе они построили здание Немецкого театра, особняк и завод Лютера в Ревеле (Таллинн). Вместе они создали великое множество конкурсных проектов. В те годы для большинства зданий объявлялся конкурс на лучший архитектурный проект. Участвуя в конкурсах, архитекторы не только постоянно оттачивали своё мастерство, но и знакомились с творчеством коллег. Во многих конкурсах соперниками Бубыря и Васильева были финские архитекторы Сааринен, Линдгрен, часто – Лишиневский, Лидаль, Перетяткович, Лялевич... Иногда Бубырь представлял на один конкурс сразу два

Дом 159 на
наб. реки Фонтанки

и Прудковским переулком. Здесь тоже бросается в глаза характерная для Бубыря игра архитектурными массами: эркеры, балконы, мансарды, башни создают причудливый ритм на фасадах, с какого бы ракурса вы ни смотрели.

А может быть, скажет скептик, это всё находки Васильева, а не Бубыря? Что ж, давайте по-

глядим на дома, которые Бубырь строил без участия коллег. Взгляните, стоя на Египетском мосту, на ту же игру архитектурными массами в доме К.И. Капустина (наб. Фонтанки, 159). Здесь этих элементов ещё больше: обратите внимание на крытый черепицей навес над окнами второго этажа, на характерное для северного модерна асимметричное расположение эркеров относительно высоких щипцов, образующих угловую башню. Все эти элементы я не раз наблюдал на постройках мэтров модерна в Хельсинки. А вот одно здание: Загородный проспект, 64. Община Латышской Лютеранской церкви, заказывая жилой дом, экономила средства, и скульптурных украшений на фасаде нет. Но и здесь проявляется любимая Бубырём игра формами и объёмами. Обратите внимание на угол здания. Он чуть срезан в первых трёх этажах, а выше возникает своеобразная угловая ниша. А рядом причудливые эркеры, к которым несимметрично «прилеплены» балконы. А угловая башня, а черепичный навес над окнами второго этажа! Те же элементы мы видим в доме Бубыря на углу Ковенского переулка и улицы Радищева. Так же срезан угол: чуть-чуть на первых трёх этажах и с нишей, объединяющей 4-й и 5-й этажи. Невероятное нагромождение дымовых труб и мансардных окон на крыше вновь напоминает Хельсинки...

Можно приводить ещё много примеров. Например, дом 37 по Тверской улице или дом 6 по Заячьему переулку.

В книгах последнего времени довольно много рассказывается о постройках Бубыря и почти ничего – о нём самом. Известно, что он женился в Петербурге на Юлии Андреевне Дидерихс – дочери владельца фабрики, выпускавшей рояли и пианино, что он был хорошим семьянином, что жил с женой сначала в доме на углу Суворовского и Таврической, а затем занимал квартиру на 6-м этаже собствен-

Дом 60 на улице Некрасова

Дом на углу улиц Радищева и Коневского перекрёстка

ного дома на Стремянной, 11. Известно, что он преподавал в Институте гражданских инженеров. Он вёл Архитектурное проектирование и Проектирование конструкций – предметы, важнейшие для архитекторов. Известно, что он много сил отдавал студентам, возил их на стройки, знакомил с выдающимися художниками, архитекторами.

Ещё известно, что он был автомобилистом. Алексей Бубырь строил на Большом Сампсониевском проспекте корпуса завода Рено и, естественно, на автомобиле Рено разъезжал сам и гордился им, как гордятся нынешние автомобилисты своими мерседесами и ауди.

Судьба, к сожалению, не была благосклонна к архитектору. С началом Первой мировой войны он отправил жену и детей подальше от опасности на Украину. А после революции Алексей Фёдорович и сам уехал на родину. Он проектировал школу в Мелитополе. Сколько ещё мог бы построить этот гениальный сказочник! Но в 1919 году, в возрасте 43 лет, архитектор был убит. Известно, что позднее семья вернулась в Ленинград и здесь погибла во время Блокады.

Но остались и стоят так крепко, добротно построенные Алексеем Бубырём дома. Дома, похожие на сказку.

Дом 60 на улице Некрасова

Дом 58 на улице Некрасова

Мост
Архитектор
В.В. Васильковский

ОТКРЫТАЯ ШКОЛА

О художнике-керамисте Владимире
Васильковском рассказывает Михаил Копылков

Всё начиналось в семье. Папа Владимира Сергеевича – Сергей Владимирович Васильковский – был известным архитектором, профессором Училища имени Мухиной, президентом Ленинградского отделения Академии архитектуры СССР. Володе было шесть или семь лет, когда он получил золотую медаль на конкурсе детского рисунка в Париже. Таких одарённых детей применял тогда художник Исаак Израилевич Бродский, очень по-доброму относившийся и к талантливым студентам, и к талантливым детям. Он пригласил маленького Володю приходить к нему, показывать свои рисунки, рисовать. И Владимир Сергеевич не раз приходил в квартиру на площади Искусств, в которой сейчас находится музей Бродского. Мама Владимира Сергеевича была учителем литературы, и семья была вся «пропитана» Пушкиным, здесь знали всего Пушкина наизусть. Через всё творчество Владимира Сергеевича эта тема прошла золотой нитью, он Пушкиным дышал. Было такое ощущение, что Пушкин – его родственник.

Во время войны Владимир Сергеевич, тогда ещё студент Академии художеств, помогал отцу на строительстве военного аэродрома под Череповцом. Потом отец руководил строительством рабочего посёлка нефтяников на севере Каспия (ставшего впоследствии городом Гурьевым). И вновь сын работал с ним вместе. Между прочим, строительство велось на территории лагерной зоны, и строителями были заключённые.

После войны Владимир Сергеевич продолжил обучение в Академии и одновременно работал с архитектором Александром Никольским над проектом Кировского стадиона. Он показывал мне наброски Никольского – эскизы рисунки углём и мелками. Ему приходилось воплощать их в конкретные проектные чертежи. Для студента последнего курса это была огромная школа. Потом он пришёл в проектный институт Ленпроект, в котором проработал до 1961 года. В тот период власти объявили борьбу с «излишествами» в архитектуре, и продолжение воплощения стилистики классицизма в советской архитектуре стало невозможным. Разрешался только чистый функционализм, воплотившийся в печально знаменитых хрущёвских пятиэтажках.

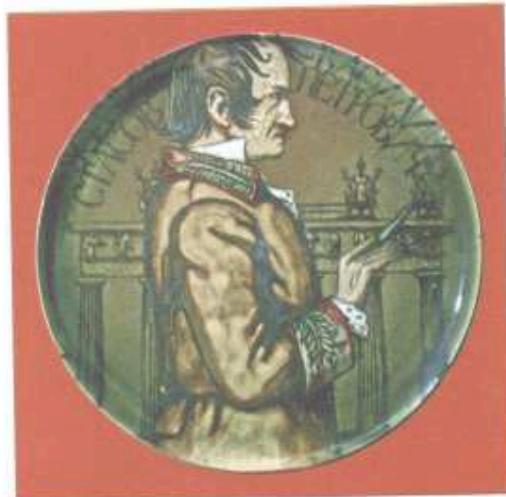
Васильковским – отцу и сыну – стало нечего делать в архитектуре. Сергей Владимирович пытался противостоять этой тенденции – и потерял свой пост президента ленинградского отделения Академии архитектуры, ушёл на преподавательскую работу.

А Владимир Сергеевич нашёл своё место на кафедре керамики в Училище Мухиной, куда его пригласил старший друг – Владимир Фёдорович Марков. Владимир Фёдорович, тоже архитектор, ещё раньше ушёл в керамику и убедил Владимира Сергеевича, что это вполне творческая область.

Я познакомился с Владимиром Сергеевичем на кафедре керамики в конце моего первого курса, а поступил я в Училище в 1964 году. Поступил с тем, чтобы серьезно подготовиться к поступлению в Академию художеств. Просто надо было куда-то поступить, чтобы год порисовать, набрать немногого опыта. Мне сказали, что можно «вытерпеть эту тоску» на кафедре керамики. Я керамикой абсолютно не интересовался, единственное, что трогало меня – керамика Брубеля. Брубеля я очень любил. Конечно, я видел ещё кое-какую керамику, но настоящего представления о ней у меня не было.

Первый курс я вытерпел с трудом, казалось что я учусь в каком-то ПТУ по росписи посуды. И вот в конце первого курса я однажды сидел на кафедре, что-то расписывал, и вдруг появляется некто в белом халате, полы заткнуты за пояс брюк и свисают этакой маркизой. На левой стороне белого халата был вышит роскошный вензель «В». Кажется, в тот момент я не сразу понял – женщина это или мужчина, а увидел только ангелоподобное лицо с картины Тьеполо. Он поразил меня, как некое невероятное существо. Оказалось, этот человек вернулся после очень тяжёлой болезни, почти смертельной. Он поинтересовался, что я делаю, посмотрел мои эскизы.

Меня поразило то, как он начал объяснять мне композицию, поразили его суждения. Это была моя первая встреча с ним. Во второй раз мы столкнулись, когда он защитил меня во время курсовой подачи. За все мои курсовые один из ведущих профессоров кафедры норовил мне поставить

Керамические блюда
В. Васильковского
с изображением знаменитых
петербургских архитекторов

двойку, а Владимир Сергеевич ставил пятёрку и отправлял работу в методический фонд кафедры. Его поддерживал завкафедрой Марков, и таким образом я всё время балансировал между двойкой и пятеркой. Но главное состояло в том, что со второго или третьего разговора о композиции с Владимиром Сергеевичем я понял, что в керамике можно делать всё, и уходить мне никуда из Училища не надо. Если моя цель – стать художником, а не конкретно живописцем или графиком, или скульптором, то керамика – универсальный полигон для этого. Мне было очень интересно его слушать, потому что это были совершенно неординарные рассуждения о композиции, лишённые какой бы то ни было доктрины. Его рассуждения увлекали некой парадоксальностью.

Он легко входил в строй мыслей студентов, но избегал общения с ленивыми или бездарными. Это было причиной недовольства некоторых студентов его преподаванием. Его мышление было очень оригинальным, он часто опускал какие-то звенья в своих рассуждениях, предполагая в студентах способность восполнить логическую цепь. Общаться с ним было очень увлекательно и плодотворно. Многие элементы его педагогической жизни крайне интересны, но особенно важным было то, что он, как керамист, работал прямо в мастерских кафедры, параллельно с преподаванием.

Рабочее место в мастерских кафедры организовал ему Владимир Фёдорович Марков. Здесь у «Василька» (так мы звали Владимира Сергеевича между собой) был свой шкафчик с глазурями и красками. Рядом была «гончарка» – мастерская, где гончары «выкручивали» на круге сосуды, а он их расписывал. Это была параллельная школа. На лекциях мы получали порцию теории, а в мастерской видели процесс работы художника. А керамика-то его была совершенно своеобразна, обладала индивидуальным творческим обликом, подчас крамольным. Она была авангардна для того времени.

Владимир Сергеевич был абсолютно свободной творческой личностью, допускающей свободный и равный диалог со студентами. Случалось, хоть и очень редко, что руководители привлекали нас к исполнению каких-то больших заказов, над которыми работали они сами. То была ещё одна блестящая школа для нас. Сразу после дипломной работы Васильковский доверил мне быть его соавтором-исполнителем в росписи блюд для интерьеров Угличского часового завода. Мы расписывали блюда и большие керамические пластины для рекреационных залов (залов отдыха) сборочных пехов, и я ощущал полную меру ответственности за реализацию замысла Владимира Сергеевича. К тому же, работа эта давала опыт реальной жизни художника, в ней сочетались творчество и работа для зароботка. Позднее, когда я сам стал завкафедрой (на очень короткий срок), я пытался организовать подобную систему обучения. Но тогда это не удалось.

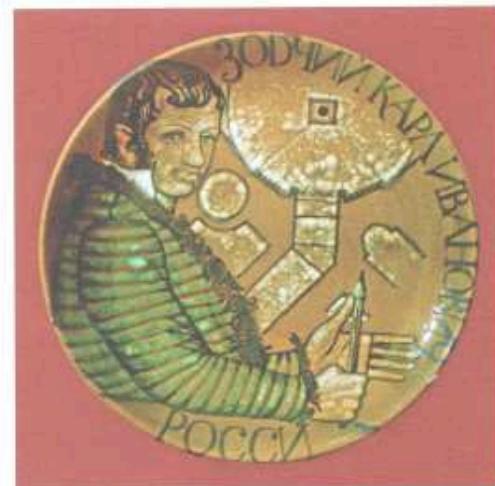
Попробую объяснить, в чём значение творчества Васильковского и его педагогики. Его школа творческого свободомыслия и смелости обращения с глиной, без боязни нарушить сложившиеся традиции и приёмы, предопределила наши творческие пути, позволила нам, его ученикам, свободно встроиться в процесс преобразований в керамическом искусстве – настоящую революцию в керамике, которая началась во всём мире в конце 1950-х, а до России докатилась в конце 1960-х годов. Основной идеей новой керамики стало «ненасильие» над материалом. Это был возврат к «открытой» глине, отказ от подражания керамики другим изобразительным искусствам. Нам потребовалось вернуться к естеству керамического искусства, вернуться к изначальной природе керамики, отказаться от имитации других материалов. Мы научились смотреть на керамику как на искусство, подчиняющееся своим законам, а не законам живописи или архитектуры.

И явление, которое позже стали называть Ленинградской керамической школой, и есть соединение этой революции с российской традицией. Для русского искусства всегда была важна содержательная сторона. А на Западе важнее технический приём.

Васильковский и Марков, оторванные условиями нашей жизни от мирового процесса, подсознательно чувствовали необходимость возврата к тому пониманию керамики, которое существовало до эпохи Возрождения. Пять столетий керамика как бы сама себя стеснялась, глина «пряталась» под красками и глазурью. Я не знаю, каким образом получалось, что сосуды, которые делали Васильковский и Марков в 60-х годах, по своей стилистике, формообразованию нисколько «не отставали» от работ западных керамистов. Они оба интуитивно чувствовали, что не надо «мучить» материал. Нам, их ученикам, повезло. Благодаря нашим учителям, мы оказались готовы «соединить» западные тенденции с нашим собственным представлением об искусстве, идущим от переживания, от эмоций, а не «от головы».

Эта школа не должна была умереть, и после окончания Училища мы, ученики Васильковского, в 1977 году образовали творческую группу под названием «Одна Композиция». В ней было 16 человек, которые ежегодно выставлялись вместе на «закрытых» выставках в Союзе художников. Там демонстрировалась так называемая «экспериментальная» керамика, на открытые выставки не допускавшаяся. Естественно, мы пригласили Васильковского участвовать в этих выставках, и он был равноправным участником нашей группы на протяжении всех десяти выставок.

Почему один художник остаётся в цепях традиционных догм, а другой постоянно их нарушает, играет ими, ищет парадоксальных решений?.. Васильковский был «нарушителем» догм. Но при этом и глубоким знатоком традиции.

ЭПОПЕЯ СТРАДАНИЙ

Вся моя жизнь
в моих картинах.
Вынесите же
их из темноты
музейных хранилищ,
покажите людям!
И они сами будут
свидетельствовать
о пережитом.

Людвиг Гаевич
Симонов

АННА ОГОРОДНОВА

Жизнь и творчество
художника Людвига
Симонова

Трагедия этого художника в том, что хотя его творчество обращено к людям, познакомиться с ним можно только в нашем школьном музее, который называется «А музы не молчали...» Тут картины Симонова собраны вместе. Всматриваясь в эти полотна, сердцем ощущаешь, что всё то «немыслимое», что умещается в двух словах – «Блокада Ленинграда», – было на самом деле! Были страдания, смерть, боль!

Людвиг Гаевич Симонов родился в 1928 году в Белоруссии, в городе Могилёве, где служил его отец. Когда отца демобилизовали, семья переехала в посёлок Бабино Новгородской области. Безмятежное отрочество оборвала война. Суматошное бегство из села. Отчаяние, чувство па-

ники, брошенности охватывает мальчика, его мать, младшую сестру, всех окружающих при подходе фашистов. Как будет он мечтать вернуться из ледяного блокадного Ленинграда в летнее солнечное мирное Бабино!

Маме, Анне Фелициановне Косовской, в начале войны исполнилось сорок лет. «Много ей пришлось пережить. Первая мировая война и революция разорили дедушку, раскидали семью <...>. Первого мужа, отца Гали (старшей дочери – Авт.), арестовали в 37 году, так и пропал, ничего о нём не известно».

В Ленинграде Симоновы остановились у старшей сестры Галины, которая жила с мужем Сашей и маленьким сыном Вовой на Мурзинке, рядом со стариным селом Рыбацким.

Но у Галины Симоновых не прописали – мала площадь; «...а без этого нельзя было получить продовольственные карточки». По совету Саши решено было всем перекочевать на проспект Села Смоленского (ныне пр. Обуховской Обороны), к его маме, площадь там большая, да и многоэтажный бетонный дом понадёжнее деревенского. Так Симоновы оказались в квартире сестёр Телегиных. Одна из сестёр, тетя Полина, сыграла роковую роль в судьбе семьи. Чёрствая, жестокая и грубая, она подписала им «смертный приговор», когда 20 ноября запретила пользоваться плитой, есть общую капусту и топить буржуйку. «Ведьма» и «наш Гитлер», – так они и будут называть её. К ней в первую очередь относятся слова из воспоминаний Симонова: «У блокады своей измерение времени, пространства, человеческой совести. Блокадный ключик с лёгкостью открывал человека, как опытный хирург: тут всё играло роль – воспитание, образование, весь багаж, накопленный предками и переданный человеку. Было ясно, кто перед тобой».

Первого ноября Симоновых, наконец, прописали, и Людвиг с сестрой Леной пошли в школу, в шестой класс, «но ни о какой учёбе нельзя было ни говорить, ни думать». На работу маме устроиться не удалось. В середине ноября во время бомбёжки выбило стёкла. «...В комнате, как и на улице, минус двадцать градусов». 31 декабря, после двух месяцев жизни в промёрзшей комната, мама решила попытаться добраться до старшей дочери. Весь день семья перебиралась с проспекта Села Смоленского в Мурзинку. У сестры их ждали, там было тепло, светло – и вновь появилась надежда.

22 марта семье удалось эвакуироваться. Посчастливилось добраться до Кобоны. Обстоятельства жизни поставили семью Симоновых в экстремальные условия, между жизнью и смертью. Но Анна Фелициановна

сделала невероятное – она спасла своих замерзающих детей.

У каждого блокадника была «своя блокада», свои трудности и спасители. Своё особое восприятие блокадного Ленинграда – и у Людвига Гаевича.

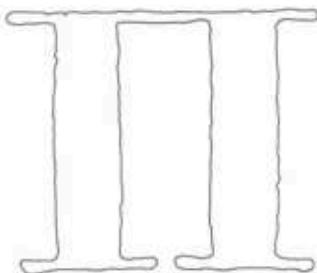
В 1946-47 годах Людвиг Гаевич жил на Колыме у отца, который работал там линейным техником. «На Колыме со мной занимался ссылочный художник, наполовину москвич, наполовину ленинградец, Порфирий Иванович Фальбов», – рассказывает Симонов. – Он меня и подготовил к поступлению в Художественное училище памяти 1905 года в Москве». Училище Симонов окончил в 1953 году. За годы учения он оформил около 50 спектаклей и концертов. В 1957 году художник создал эскиз к первой своей картине, посвящённой блокадному Ленинграду. Людвиг Гаевич очень честен, прямолинеен, иногда кажется негибким человеком. Его особая блокадная тема заставляет художника и сегодня страдать, как в детстве. Но геройзм в блокаду был и в том, чтобы просто продолжать жить, любить и помогать близким...

...Народный музей «А музы не молчали...» был открыт 16 марта 1968 года. Он был создан учителями и учениками 235-й школы и хранит более 20 тысяч подлинных экспонатов, связанных с

Пудостский камень (пудостский известняк)

Название получил по посёлку Пудость, рядом с которым его добывали. Образовался в результате кристаллизации минералов, растворённых в воде подземных источников.

При выходе воды на поверхность они выпадали в осадок. Мягкий в первые часы после добычи из земли, камень затем становится очень твёрдым. При Петре использовался для отделки гrotov,

имитации дикой природной среды. В начале XIX века пудостским камнем отделали Казанский собор, из него вырезали скульптурные группы на здании Биржи, аллегорические фигуры у Ростральных колонн, фигуры нимф у Адмиралтейства, статуи перед Горным институтом. Камень плохо переносит петербургский климат и требует особо бережного отношения.

Гранит рапакиви
Пожалуй, самый частый
камень в Петербурге.
«Рапакиви» по-фински

P

— гнилой камень.
Но на самом деле он
очень прочный.
Из него вырезаны
колонны и цоколь
Исаакиевского собора,
Александровская
колонна, им отделаны
набережные Невы,
Фонтанки, Мойки,
канала Грибоедова.
Красный
крупнозернистый гранит
рапакиви добывался
на берегу Финского
залива и на островах
в районе г. Фридрихсгам
(теперь г. Хамина).

культурой и искусством блокадного Ленинграда. Экспонаты музея уникальны и не дублируют коллекции других музеев. Музикальные инструменты, театральные костюмы, рукописи, графика, живопись, предметы блокадного быта...

Именно нашему музею, который всегда говорил правду о трагедии блокадных лет, Симонов подарил 25 бесценных картин своей блокадной серии «Песнь скорби», рассчитанной художником на 65 полотен. Ещё 35 готовых картин хранятся в мастерской художника, пять ещё не дописаны. Картины этой серии экспонировались впервые в 1984 году на II Зональной выставке: четыре в Центральном выставочном зале на Крутицком валу в Москве, одна — в Подольске (художник предложил на выставку 20 полотен). В 1984 году Симонов был принят в Союз художников СССР. Он неоднократно выставлялся на многих всероссийских, региональных, областных, городских и персональных выставках. В 1985 году художник участвовал в международной выставке в Болгарии, где побывали два его холста — «Время остановилось» и «Единственная надежда» («В булочной»). «Но это не снимало моего разочарования

и огорчения, — говорит художник, — так как мои негероические работы на тему блокады принимались всегда на выставки более чем прохладно, часть картин отстаивалась в кладовках, так и не побывав в выставочных залах. Первый вариант «В булочной» утерян... Эти выставки, когда никто из организаторов не хотел понять, что мои картины из одной серии, и у каждой есть свое место среди других, мало радовали. Вот почему я несколько лет почти не касался блокадной памяти, хотя замыслы далеко ещё не исчерпаны. Предложение, полученное из музея «А музы не молчали...» в 1989 году, обрадовало! Все картины будут вместе, в Ленинграде, как и задумывалось, ведь они все — одно произведение».

Серия картин «Песни скорби» не оставляет равнодушным ни одного из посетителей выставок картин Симонова, о чём свидетельствуют бесконечные записи в книге отзывов, публикации в прессе.

Приобретение картин Людвига Гаевича Симонова стало большим событием в жизни музея — образ огромного промёрзшего города вошёл в экспозиционные залы. И сразу для посетителей

определился, вырос масштаб трагедии, вызванной блокадой. Теперь трудно представить то время, когда не было картин Симонова.

«Композитор Владислав Успенский подсказал мне, как создать второй план к моим картинам, — продолжает свой рассказ художник. — Нужен овальный зал высотой 5 метров, шириной — 12, а длиной — 16. И все стены за картинами должны быть расписаны блокадным небом. Это очень важный герой! Все страхи, всё зло шло с неба. Небо! <...> Центральная часть — картина «Огненные зори». Здесь будет ночное небо с прожекторами, взрывами. Справа на стене — дымное небо. Я помню, что наше Чудово бомбили 150 самолётов... Ладога — своё небо... Железная дорога (эвакуация) — дым паровоза... Я сделал эскиз сразу после разговора с Успенским.

В центре зала должна быть небольшая эстрада, она может перемещаться. Должна быть световая аппаратура, радио — необходима театрализация. Здесь могут проходить концерты, спектакли, инсценировки. Представьте: затемнение в зале, включается узенький жёлтый луч — рассвет со сне-

гом — «В булочной». И здесь (на эстраде) — второй луч. Может повторяться то, что на картине, а затем разворачиваться действие. Целый спектакль: «Ожившие картины».

Я уверен, передать блокаду ни литературой, ни живописью, ни музыкой в отдельности никто не в состоянии, а если всё это объединить, то зритель может получить впечатление, что он... попадает в блокадный город...

Так мечтает художник...

Надеемся, что мечта Людвига Гаевича Симонова в ближайшие годы осуществится, и в новом здании школы имени Д.Д. Шостаковича в постоянной экспозиции будут все его картины. А пока мы рассказываем о художнике в новой экспозиции «Так жили ленинградцы», где представлены его пятнадцать картин. Они находятся среди предметов блокадного быта, «отражаются» в них, а мемориальные вещи «оживают» в картинах.

Недавно Симонов привёз в Петербург несколько толстых общих тетрадей со своими воспоминаниями «Вся жизнь в блокаде». Музей «А музы не молчали...» стал обладателем ещё одного уникального экспоната...

Рускеальский мрамор
Месторождения мрамора в окрестностях села Рускеала недалеко от Сердоболя были известны с XVII века. Этот мрамор неоднороден по цвету и составу: светло-серый — тёмно-серый, светло-зелёный — тёмно-зелёный, часто пятнистый или полосатый. Серую окраску мрамору

P

придают примеси графита. Другие оттенки — от примесей актинолита, хлорита или слюды. Бурые пятна изменённых кристаллов пирита (раньше его называли железным колчеданом или ложным золотом) в загрязнённой атмосфере быстро окисляются и разрушаются. От этого рускеальский мрамор недолговечен, и облицованные им здания требуют реставрации уже через 50-60 лет.

Кирилла варяжского гостя

пьют чай и кофе
из стаканов...
Очень практично

кухня и есть
обычное зрелище
снужанок

своё объяснение одного фонетического явления, длительное время составлявшего загадку для специалистов по истории германских языков. Благодаря этому он занял почётное место среди выдающихся лингвистов, которых в Дании на душу населения приходится больше, чем в любой другой стране.

Учёный прожил короткую и не очень богатую событиями жизнь. С детства он выделялся аналитическим умом,

был хорошим шахматистом. В молодости заинтересовался сравнительным исследованием языков, историей славянских языков и стал студентом Копенгагенского университета по специальности славянская филология. Для знакомства с русскими учёными и совершенствования в языке он отправился в Россию, где пробыл с декабря 1871-го по октябрь 1872 года. По возвращении Вернер написал выпускную работу, стал доцентом университета, затем профессором. Он был очень требователен к себе, поэтому при жизни напечатал всего несколько статей.

О поездке Вернера в Россию вряд ли кто вспомнил из потомков, если бы не любовь учёного к писанию писем. Из России он послал девятнадцать очень больших писем своему профессору, родителям и брату. Большинство из них было позже издано. До сих пор на русский они не переведены и потому цитируются по датскому изданию.

Самые первые впечатления Вернера от страны и города, естественно, поверхностны. Вот пограничный пункт Верхболово. «Я впервые увидел, как пьют чай и кофе из стаканов. Очень практично, так как видно, что у тебя в стакане, крепкий или слабый у тебя чай». «Всё очень дорого в России... деньги так и текут. Внесут твою одежду в зал ожидания — 10 копеек, вынесут из зала — 10 копеек, если повесишь верхнюю одежду на крючок — 10 копеек, яблоко стоит 7 копеек».

И в Петербурге всё дорого. За гостиницу надо платить 4 рубля в сутки. «Дали 4 восковых свечи. Я хотел взять только 2, но служащий сказал, что платить надо за 4. Гулять так гулять. Я лежал каждый вечер как покойник в гробу, окружённый четырьмя горящими свечами и великолепной иллюминацией».

О научных контактах Вернер пишет весьма подробно. «Я попал в круги, где научная жизнь бьёт ключом...» «Благодарю за рекомендации, которые открыли мне дорогу повсюду. Только когда я сижу у статских советников, я сижу как на иголках. Потому что боюсь, — вдруг они обнаружат, что я не соответствую описанию». Профессор дал Вернеру рекомендации к «трём столпам местной историко-филологической науки», академикам Петербургской Академии наук.

Первым был Яков Карлович Грот, филолог, автор многочисленных трудов по истории, литературе и языку. Раз в две недели по воскресеньям Грот приглашал датского студента на чайные «вечеринки». «Когда после учёной вечеринки я направляюсь домой, моя голова полна новых мыслей и взглядов, которые я потом пытаюсь приспособить под мои собственные понятия».

Русские учёные удивлялись, что датский студент в Копенгагене безо всякой практики смог выучить русский язык. Один академик сказал, что его язык тонкий. Но это подразумевало, что он говорит, как пишут в книгах, и Вернер понял, что это не похвала. «Чайные вечера» начинались в 10-м часу вечера и кончались около половины третьего. Потом Вернер шёл более 7 километров до своего дома по замёрзшей Неве и заснеженным улицам. После одной такой прогулки он серьёзно заболел, и Грот приходил его проводить.

Большое внимание датскому студенту уделил историк и филолог Арист Аристович Куник, не только подолгу беседовавший с ним, но и показывавший ему достопримечательности города.

Они вместе осмотрели сокровища Эрмитажа, что было вполне естественно, потому что это уже был общедоступный музей. Но они побывали и в Зимнем дворце, а это было не просто, и получили допуск в Петропавловскую крепость, где в соборе поклонились захоронениям российских императоров, — а это уж факт из ряда вон выходящий.

В одном из самых первых писем Вернер писал, что Петербург — огромный город. «Я знаю только маленькую часть его. На другую сторону Невы, в самую старую часть, я, возможно, так и не попаду за всё мое пребывание здесь».

Позже Куник взял Вернера спутником в свою поездку по западным губерниям России и в Москву. Однажды ради датского студента он организовал у себя дома настоящий «лингвистический конгресс» с участием четырёх известных учёных — только для того, чтобы разобраться в происхождении всего лишь двух слов.

Третьим учёным, помогавшим Вернеру, был Измаил Иванович Срезневский, крупнейший русский филолог, 25 лет бывший деканом историко-филологического факультета, а некоторое время ректором Петербургского университета.

Другая часть описаний касается быта и нравов петербуржцев. Вот Вернер пытался снять комнату. Он пришёл в одну квартиру, и ему сказали, что входить в комнату жильцу придётся каждый раз через кухню. Он вошёл и увидел, что в кухне спит служанка. И потом написал, что в петербургских квартирах кухня и есть обычное жильё служанок.

Знакомые датчане помогли ему найти комнату. «Я живу в славном маленьком (ирония — БЖ.) доме, выходящем на три улицы: Невский проспект, Полтавскую и Гончарную улицы. Каждый фасад шириной с большую площадь. У дома три входа и три парадных лестницы. Вы вряд ли поверите, если

Курящая
дама ?!

Рускеальский мрамор
(продолжение)

P

Рускеальским мрамором облицованы снаружи стены Исаакиевского собора, южный фасад Инженерного замка.

Его можно увидеть в интерьерах (стены и пол) Казанского собора, им отделан фасад малого Мраморного дворца на Гагаринской улице.

В конце 70-х годов XX века Рускеальским мрамором облицевали подземный вестибюль станции метро «Приморская».

*Живи здесь ты можешь
либо толоку как мужик,
либо тавку как барин*

Сердобольский гранит
Добывался в
XVIII-XIX веках на
берегу и островах
Ладожского озера
у города Сердоболя
(современное название
— Сортавала).
Красивый — от тёмно-
серого до чёрного цвета,

С

прекрасно поддающийся
полировке и шлифовке,
сердобольский гранит
является и очень
прочным
(вспомним рассказ
В.Г. Сорина в № 4
журнала «АВТОБУС»
за 2003 год).
Из сердобольского
гранита вырезаны
атланты у здания
Нового Эрмитажа и
колонны знаменитой
Иорданской лестницы,
пьедестал памятника
Екатерине II.

я скажу, что
в этом доме
живёт людей
столько же,
сколько в це-
лом Сканнер-
борге. Моё
ничтожество
разместилось
на втором эта-
же, в кварти-
ре № 7, где
живёт ещё бо-
лее двух де-
сятков жиль-
цов. Мой хо-
зяин, которо-
го я, кстати,
ещё не видел,
в этом же
доме швейцар
при одной из

трёх парадных. Хозяйка — тол-
стая старуха; всё время жалу-
ется на головную боль, пых-
тит и стонет при каждом шаге.
Моя комната — как и всё здесь
— большая. Маленькие комна-
ты вообще не сдаются прилич-
но одетым господам... На подо-
коннике целый ряд из шестнад-
цати горшков с растениями.
Жильцы из дома напротив мо-
гут спокойно видеть, что про-
исходит у меня в комнате. А я
— то, что у них, так что мы кви-
ты». Этот четырёхэтажный дом
практически без изменений до-
шёл до наших дней.

Позже Вернер познакомился
со всей семьёй хозяина и даже
удостоился высокой чести быть
приглашённым на свадьбу дочери.
«В Петербурге комнаты, сда-
ваемые с мебелью — редкость,
каждый привозит собственную
мебель. За комнату с отоплени-
ем берут 18 руб. в месяц, но я
сам должен доставать простыни,
полотенца, шерстяное одеяло...
Здесь, в холодной России, спят
только под одним одеялом».

Вернер пишет отцу, что живёт
«очень экономно и изолиро-
ванно... На покупке книг при-
дётся поставить крест, придётся
брать в библиотеке. Сделать всё
здесь за полгода невозможно, и
написание работы придётся от-
ложить до возвращения домой...

Если бы я знал, что в этих север-
ных широтах мне придётся пи-
таться одним пшеничным хле-
бом, я поупражнялся бы в этом
дома». Уходило у него на жизнь
50 руб. в месяц.

Небольшая деталь, показыва-
ющая финансовые ухищрения
студента. Датский генеральный
консул Х.И. Паллисен пригла-
шал его к себе на обед два раза в
неделю. В целях экономии Вернер
шёл пешком от Полтавской
улицы по всему Невскому к
Адмиралтейству, переходил по
льду Невы и только там, на набе-
режной Васильевского острова,
нанимал извозчика и к дому 16
по 11-й линии подъезжал с шик-
ком. «Ни один приличный го-
сподин здесь не ходит пешком».
Этим же маршрутом он ходил
на вечеринки к петербургским
учёным, которые жили в доме,
ныне называемом «Дом академи-
ков», на Васильевском остро-
ве, на углу набережной и 7-й ли-
нии.

Извозчик — один из его лю-
бимых персонажей. В городе 16
тысяч извозчиков. Зимой они в
длинной, до пят, одежде, под ко-
торой прячется овчинный тулуп,
а сверху — кушак. Извозчик спрашивает потенциального ез-
дока: «Куда ехать?» и заламывает
совершенно немыслимую сум-
му. Но в конце концов оба схо-
дятся на сумме, составляющей...
треть от первоначальной. Потом
отправляются в путь, при этом,

пардон, задняя часть возницы – прямо у передней части седока. Тут же начинается бешеная гонка.

А вот ещё рассказ: дверь комнаты открывается без стука – здесь так принято. Входят две монахини. «Собираем на церковь», – говорят они. «Старые, измождённые, покрытые морщинами, судя по внешнему виду, они прошли в жизни через огонь и воду, а теперь, когда позолота сошла, решили, что самое практическое – это спрятать всё под чёрной краской». Вернер совершенно уверен, что до церкви собранные деньги ни за что не дойдут.

Очень живо изображает он петербургских дворников, городовых и... курящих дам – судя по его письмам, в Дании в то время это было почти неизвестное явление.

Описывая погоду в Петербурге, Вернер подводит итог: здесь восемь месяцев в году зима, в остальное время... холодно. Весной, когда снег сошёл с улиц, он с изумлением увидел, что Невский замощён не булыжником или каменными плитами, а деревянными шашками, отчего ехать по нему очень мягко. Но грязь на всех улицах, включая главные, весной и осенью немоверная. Извозчики даже перевозили желающих с одной стороны проспекта на другую за 5 копеек с седока. Однажды сам царь Александр II во время проезда по Невскому проспекту вывалился из экипажа в грязь...

«Заботы о пропитании: здесь всё очень дорого стоит. Жить здесь ты можешь либо только как *мужик*, либо только как *барин*. Среднее сословие начало появляться лишь после отмены крепостного права, и жизнь ещё не приспособилась к новому порядку. За те деньги, которые я трачу здесь (а живу я очень примитивно), я жил бы в Дании вместе с семьёй, как принадлежащий к высшим слоям».

Вернер описывал зимний праздник Крещения и выход всей царской семьи к Иордани –

проруби в Неве. Описывал масленицу: на Исаакиевской и Адмиралтейской площадях целую неделю работают театры, цирки и балаганы. Все они открыты с утра до вечера. Всюду огромное количество людей, безудержное веселье.

Потом наступает время строгого поста, когда всякое веселье запрещено. Разрешены только концерты и живые картины. Но у петербургских жителей неистребимое желание наслаждаться искусством. Поэтому посещают по 3-4 концерта в день. Поначалу Вернер думал, что музыка и живые картины должны быть только на духовную тему. Позже, к своему удивлению, Вернер увидел, что под концертом может пониматься и «Прекрасная Елена» Оффенбаха, а в живых картинах изображается всё, что угодно...

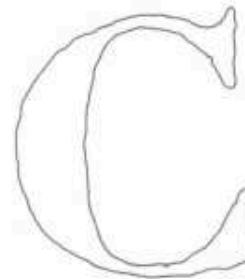
«Каждые три недели бывает какой-нибудь день с иллюминацией, флагами и т.д. – в память об умершем святом или в честь именин какого-нибудь живого великого князя. В такой день простому человеку дозволяется *гулять*». Написав это слово по-русски, Вернер на всякий случай делает примечание, поясняя профессору в Копенгагене: дело не в том, что кто-то прогуливается, а в том, что простолюдин без удержу развлекается, а более всего напивается, при этом простолюдинка пьёт никак не меньше.

А вот описание гражданской казни. Однажды утром хозяинка будит его: «Вставай, барин. В 8 часов будут казнить преступника на Конной площади. Его

простолюдин и простолюдинка гуляют

Соломенская брекчия
Уникальное явление в каменном убранстве Петербурга, соломенская брекчия добывалась в селе Соломино, рядом с Петрозаводском. Это сложная по своему составу порода, которую из-за её текстурно-структурных особенностей достаточно трудно обрабатывать. Она крошится при полировке. Приглядитесь к этой черной с виду

породе, и вы увидите, что она состоит из тёмно-зелёной массы и заключённых в ней угловатых обломков различных пород тёмно-серого и светло-серого цветов.

Соломенскую брекцию можно увидеть только в интерьерах Исаакиевского собора. Из неё вырезаны плиты-филёнки и выпуклые медальоны в нижней части стен; медальоны обрамлены розовым белогорским мрамором.

Здесь
всё счастье
в году
и в земле,
в счастье
брече
бываю

Тивдийский мрамор
Добывался вблизи
Петрозаводска.
По расположению
месторождений у
села Тивдия или
Олонца называют
также олонецким,
а по названию
месторождения Белая
гора – белогорским.
Этот мрамор имеет
оттенки от бело-
розового до коричневого.
Чем больше в породе
включений гематита, тем
краснее мрамор. Если
гематит неравномерно
распространён по
породе, рисунок мрамора
становится более
сложным. Розовым

Т

тивдийским мрамором
отделаны пиластры и
колонны на фасадах
Мраморного дворца и
Михайловского замка.
Белогорским мрамором
выложен пол под
куполом Исаакиевского
собора.
«Апофеозом» этого
камня можно назвать
отделку Мраморного зала
Этнографического музея
(Инженерная ул., 4),
где можно увидеть все
оттенки тивдийского
мрамора.

сначала казнят, а потом отправят в Сибирь». Я не понял, как это можно. Ну, если бы сначала отправили в Сибирь, а потом казнили, я бы это понял». Но оказалось, что всё было сказано правильно. И далее идёт подробнейшее описание, как идут солдаты в жёлто-серых мундирах, «законники» в треугольных шляпах, а вокруг много женщин, детей. Везут мужчину, на груди которого табличка «За грабёж». Его привозят на площадь, читают ему приговор, привязывают к позорному столбу. Четверть часа он стоит так на виду у всех, потом его увозят. После этого он будет отправлен на каторгу в Сибирь.

Иностранцев было немало в Петербурге. «Когда идёшь по Невскому проспекту, – пишет Вернер, – становишься космополитом. Вывески на всех возможных языках, языковое вавилонское столпотворение. Слышится русский, немецкий, французский, польский, финский и часто шведский. В воскресенье можно пойти в различные церкви, которые расположены тут на Невском, и слушать службу на 12 языках: от голландского до армянского».

«Полицейские расходы. Будучи иностранцем, я должен заплатить за право проживания здесь, а это стоит, – так как я, к сожалению, имею честь принадлежать к 1 классу, – 9 руб. за 6 месяцев. Потом надо оплатить ещё раз, а потом уже бесплатно». Среди проблем для иностранцев также «таможня и цензура (мой ящик с

книгами я получил только 6 недель спустя, и всё это время я был лишён литературных пособий), а также паспорт (только тот, кто был в России, знает, сколько не приятностей и огорчений приносит это маленькое слово)».

Вернер упоминает в письмах и о датской принцессе Дагмаре, ставшей в 1866 году женой великого князя Александра, а в 1881-м (уже после отъезда Вернера) – российской императрицей Марией Фёдоровной, супругой Александра III. Когда Вернер описывает в одном из писем оперный спектакль, то говорит: «Мы сидим в креслах прямо под ложей Дагмары и слышим каждое её слово».

Критических замечаний о жизни в России в письмах много. «С большим огорчением я вижу, что всё здесь не так, как должно быть», – замечает Вернер. Но при этом добавляет: «Каждый датчанин желает России счастливого будущего».

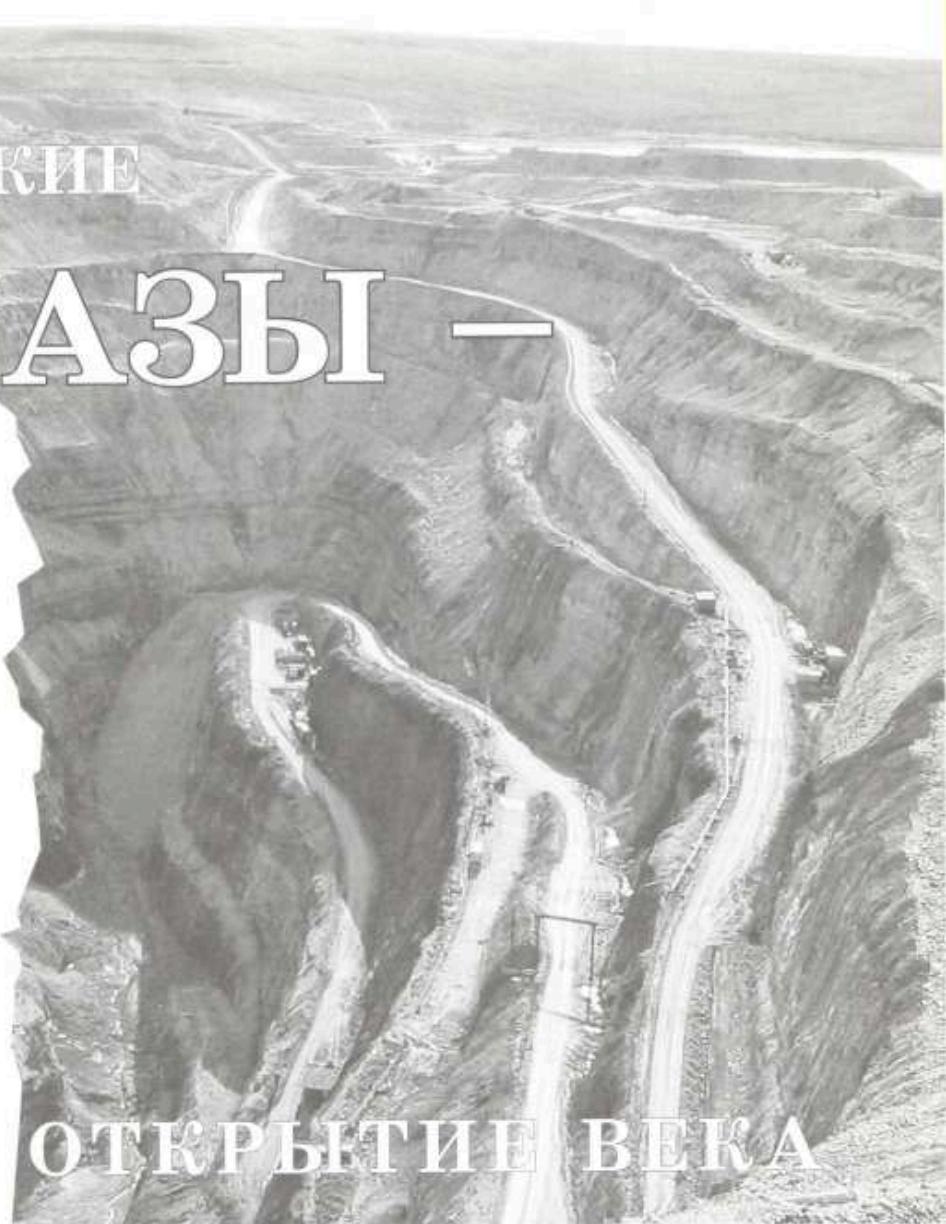
Каждый датчанин
желает
России
счастливого будущего

СИБИРСКИЕ АЛМАЗЫ —

Если вы думаете, что ценность алмаза в блеске и красоте ювелирных украшений, то сильно ошибаетесь! Без ювелирных алмазов обойтись можно, хотя они и дают нужную стране валюту. А вот при изготовлении абразивного и режущего инструмента алмазы (алмазные пасты, диски, свёрла и т.д.) незаменимы. Использование буровых коронок с алмазными зёренами увеличивает скорость бурения скважин в несколько раз. Тончайшие металлические нити для нужд электроники получают, протягивая проволоку через так называемые «фильтры» — маленькие, до 0,5 мм, отверстия в алмазах. О техническом применении алмазов можно говорить очень много.

Во время Великой Отечественной войны мы покупали технические алмазы в Англии, расплачиваясь за них золотом. У нас были только скромные россыпные месторождения алмазов на Урале (там алмазы рассеяны в массе песчано-глинисто-галечных отложений), и они не могли обеспечить потребностей страны. После окончания войны, когда экономика стала развиваться, технические алмазы требовались всё в большем количестве. Нужно было найти собственные коренные месторождения.

Взоры геологов обратились к Сибири, точнее, к Среднесибирскому плоскогорью, простиравшемуся от Лены до Енисея более чем на полторы тысячи километров. Ещё в тридцатых годах ленинградские геологи обратили внимание на то, что некоторые геологические особенности Сибирской платформы и южной части Африки, где находятся бо-

ОТКРЫТИЕ ВЕКА

гатейшие месторождения алмазов в горных породах — кимберлитах, — сходны между собой. Кимберлиты образовались в результате мощнейших газовых взрывов в недрах Земли, которые привели к прорыву кимберлитовой магмы к поверхности. Обычно кимберлиты образуют конусообразные тела с вершиной конуса, обращённой вниз, их называют «трубками взрыва». Глубина трубок достигает километра и более.

Начавшийся до Отечественной войны поиск алмазов в тех краях ознаменовался находками единичных кристаллов, но был прерван войной. После войны в Иркутске создали большую экспедицию, возобновившую работу.

ЕВГЕНИЙ ТРЕЙВУС

Какой дворец Петра I можно увидеть только внутри? Почему нельзя увидеть его фасад?

Шокшинский кварцит (шокшинский порфир) Образовался в земной глубине в результате воздействия высоких температур и давления на кварцевый песчаник. Зёрна кварца как бы скепились друг с другом, что сделало породу очень твёрдой. Добывался у деревни Шокша, недалеко от Петрозаводска. Полированый камень имеет насыщенный цвет – от малинового до розового. Его можно видеть в отделке фриза Михайловского замка (фон надписи). В интерьерах Исаакиевского собора им отделан плинт, им украшен пьедестал

Как она работала? Геологи шли по сибирским рекам. Отделив гальку, они промывали песок и глину так же, как это делают при промывке песка на золото, «перелопачивая» сотни кубометров речных наносов.

В августе 1949 года иркутский геолог Григорий Файнштейн нашёл на косе Соколиная на реке Вилюй сразу 21 кристалл алмаза! Успех вдохновил на дальнейшие поиски, но оставалось неясным, в результате разрушения каких пород в речные отложения попадают алмазы и где эти породы находятся. К 1954 году сибирским геологам ещё не удалось выйти на коренные месторождения алмазов, и затруднительно сказать, сколько времени на это потребовалось бы при использовании подобного метода их поиска.

Речной песок обычно состоит по большей части из лёгких светлых минералов (главным образом кварца и полевого шпата) и некоторого количества тёмноцветных тяжёлых минералов. Они довольно разнообразны, и это разнообразие зависит от того, какие коренные породы размываются водными потоками в данной местности. После промывки песка в лотке остаётся «шлих» – тяжёлые минералы. В 1950 году в Ленинграде было задумано систематическое изучение того, какие именно минералы содержатся в шлихах из

речных наносов на Сибирской платформе. Намечалось составление карты распространения отдельных минералов в шлихах. Идея была в том, чтобы в конечном итоге выявить минералы, сопутствующие алмазам в кимберлитах, вместе с алмазом попадающие в речные отложения. Далее, прослеживая эти минералы по рекам, можно было надеяться выйти на коренные источники алмазов. Заниматься этим поручили Наталье Николаевне Сарсадских, которой тогда было 34 года.

Самоотверженная женщина три лета подряд, начиная с 1950 года, с одним или двумя рабочими плавала на резиновой лодке по безлюдным тайным рекам и мыла шлихи. Ей приходилось на месте, в тайге, дробить в ступках эти породы и потом промывать приготовленный таким путём искусственный песок. Она пережила и голод, и холод, в один из сезонов её уже сочли погибшей.

В 1953 году Наталья Николаевна пришла к выводу, что следует обследовать район реки Далдын. Длина реки – около 100 км. Она является левым притоком реки Мархи, которая, в свою очередь, служит левым притоком Вилюя. Это – северо-запад Якутии, 800 км от Ледовитого океана, как раз на Полярном круге.

В том году Сарсадских взяла себе в помощницы геолога Ларису Анатольевну Попугаеву. Лариса Анатольевна родилась в 1923 году, в 1941-м окончила в Ленинграде школу на углу улицы Подольской и Загородного проспекта. В 1942 году ушла добровольцем на фронт и три года была зенитчицей. В 1945-м поступила в Ленинградский университет, окончила его в 1950-м. Ларисе Попугаевой в том знаменательном 1953 году посчастливилось найти в шлихах, взятых ею в двух точках на реке Далдын, зёрна минерала красного цвета, который им обеим был незнаком. Зимой 1953-1954 годов доцент Ленинградского универси-

III

памятника Николаю I, а сам Николай подарил несколько тонн шокшинского кварцита французам для отделки гробницы Наполеона. В Эрмитаже шокшинским кварцитом отделаны колонны Советской лестницы. Неполированный матовый камень кажется более светлым. Таким его можно видеть в верхней части верстового столба на Московском проспекте у Фонтанки.

тета Александр Александрович Кухаренко установил, что это – минерал пироп (от греческого слова πιρόπος, что значит «огненный»). Он объяснил, что пироп – спутник алмаза в южноафриканских месторождениях, и посоветовал искать кимберлиты поблизости от местонахождения пиропов.

Было логичным сделать следующий шаг: пойти вверх по реке Далдын от какого-либо из двух установленных на ней мест находок пиропа, мыть речной шлих и выискивать в нём зёरна этого минерала. Их должно быть много сравнительно с алмазом, и они легко бросаются в глаза. Нашлись – идти дальше. Кончились – значит, коренные кимберлиты остались где-то позади, может быть, – по ручьям и речушкам, притокам Далдына.

В 1954 году Сарсадских отправиться в Якутию не могла. Поехала Лариса Анатольевна Попугаева вдвоём с рабочим Фёдором Алексеевичем Беликовым. Их «оборудованием» были ведро, лопата, кирка, лоток для промывания песка, десятикратная лупа. На реку Далдын поисковиков доставил самолёт Y-2, который способен сесть на небольшую речную косу. На всю жизнь бывшая зенитчица запомнила, что после пробежки самолёта по земле его крылья были в дырочках, как от пулемётных очередей – галька из под колёс била по крыльям. Ближайший посёлок более чем в 100 км. Болотистые неприветливые места, невзрачное редколесье из ольхи и лиственницы. Мириады комаров и мошки (гнуса). От комаров помогает накомарник, а от гнуса – нет. Своё имущество геологи тащили на себе и в резиновой лодке на бечеве.

В начале лета 1954 года приступили к промывке шлихов. Это был утомительный однообразный труд. «Мы с Федоней работали как лошади, забывая есть и спать», – написала она впоследствии. Жизнь скрашивала белая собачка. Однажды она лаем вспугнула лося, которого

А.А. Попугаева с
Ф.А. Беликовым
и белой собачкой

Беликов тут же застрелил. Так что какое-то время наши поисковики ели свежее мясо. За неимением хлеба пекли лепёшки на лопате. После мытья шлихов отогревали руки над костром или в специально подогретой воде (вода в реках там ледяная, так как они текут по вечной мерзлоте).

Наконец «зацепились» за зёрна пиропа в устье одного из ручьёв, притока Далдына. Прошли по нему около 20 километров со шлиховым опробованием. Пиропы потеряли, коренную их породу не нашли. Углубились в долину другого ручья (Дьяха), по которому тоже прослеживались эти красные зёрна. Обнаружили пиропы и в долине безымянного ручейка, под острым углом впадавшим в Дьяху. После неудачи на предыдущем ручье Лариса Анатольевна набралась опыта и «взяла в клещи» возможное местонахождение коренной алмазоносной породы, которую теперь следовало искать на водоразделе между Дьяхой и этим ручейком. Поднявшись из его русла на возвышенность, геологи 21 августа 1954 года вышли наконец на то место, откуда пиропы поступали в песчано-глинистые

Ювенский мрамор
Не очень прочная, легко выветриваемая горная порода, которая использовалась в

Н

отделке небольших плоскостей. Полосатый, как зебра, чёрно-белый камень служит фоном для располагающихся под окнами белых гирлянд на фасаде Мраморного дворца. Из него вырезаны колонны дома Апраксина на Миллионной ул., 22. Название камня происходит от острова Йоенсу в Онежском озере, неподалёку от Петрозаводска, где его добывали.

наносы. Для того чтобы его найти, Попугаева на последнем этапе поисков просто ложилась на землю и, отворачивая дёрги, высматривала пиропы. Здесь участок местности занимал превратившийся в голубовато-серую глину вблизи земной поверхности массив горной породы, который имел в плане почти круглую форму и размер, как потом точно установили, 570 на 530 метров. Ныне это — промышленное месторождение алмазов, кимберлитовая трубка «Зарница». По разным обстоятельствам разработка её началась лишь в 2000 году и продвинулась сейчас уже на 150 м вглубь от поверхности земли.

Пироповый метод поисков, ничтожный по стоимости, определил новые важнейшие находки. В июне следующего, 1955 года, в 14 км к западу от «Зарницы» сибирский геолог Владимир Щукин выявил богатейшую по алмазам трубку «Удачную», пользуясь указанием Попугаевой на наличие там пиропов. Одновременно в 500 км южнее, на реке Малая Ботуобия (правый приток Вилюя), используя тот же метод, геологи Юрий Хабардин и Екатерина Елагина вышли к другой богатой алмазами трубке «Мир». Сейчас там выросли города Удачный и Мирный. В 1957 году за своё открытие Лариса Анатольевна Попугаева была награждена орденом Ленина, Наталья Николаевна Сарсадских — орденом Трудового Красного Знамени.

Кухаренко стал доктором наук, профессором, завкафедрой минералогии в нашем университете. Умер он в 1993 году. Сарсадских вплоть до своего ухода на пенсию в 1978-м работала во Всесоюзном геологическом институте в нашем городе и продолжала заниматься проблемами происхождения алмазов. Попугаева почти два десятилетия трудилась в Центральной научно-исследовательской лаборатории камней-самоцветов, преобразованной в 1960-х годах во ВНИИОвелирпром. Она

способствовала созданию этого института, добилась приёма у председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина и обратила его внимание на проблему. Попугаева стала начальником лаборатории камнесамоцветного сырья в институте, занималась внедрением отечественной бирюзы, гиацинта, пиропа, хризолита, янтаря в ювелирную промышленность. В 1970-х годах ленинградский геолог Ю.О. Липовский, благодаря помощи и советам Ларисы Анатольевны, используя всё тот же пироповый метод, нашёл в Монголии богатое россыпное месторождение ювелирного пиропа, который, однако, связан там не с трубками взрыва и кимберлитами, а с горной породой в жерлах древних вулканов.

Умерла Лариса Анатольевна скромостижно в 1977 году.

Летом 2004 года, в связи с 50-летием со дня обнаружения «Зарницы», в городе Удачном Ларисе Попугаевой поставили бронзовый памятник. Его открывали президент республики Саха (Якутия) В.А. Штыров, дочь Ларисы Анатольевны Попугаевой, Наталья Викторовна — и Наталья Николаевна Сарсадских. На митинг собралось практически всё население этого «алмазного» города — 14 тысяч человек. К подножию памятника легли цветы.

Автором монумента стал наш петербургский скульптор Валерий Барков.

В настоящее время в нашей стране добывается ежегодно около 2 тонн алмазов.

Громадную глыбу сегодняшней отечественной алмазной промышленности столкнули когда-то женские руки.

Ответы на наши вопросы легче всего найти в «Эрмитажных» номерах журнала «АВТОБУС». Это 4-й, 5-й и 6-й номера за 2000 год. Если вам не удастся найти их в библиотеке, приходите к нам в редакцию. Самые первые пришедшие смогут даже купить их, так как при переезде редакции обнаружились еще несколько пачек. ТОРОПИТЕСЬ!

Петропавловский детский исторический журнал

АВТОБУС

№5 (№36) 2004

Учредитель

Туристический и Культурный Центр
ЭКЛЕКТИКА

Главный редактор

Игорь Воеводский

Над журналом работали:

Юрий Кружнов

Аркадий Векслер

Обложка

Юрий Чигирев

Оформление

Николай Баранов

Иллюстрации

на стр. 1, 24-28

Елена Эргардт

Корректор

Анна Комлева

Фотографии

стр. 8-10

П.И. Тарасенко

стр. 11-15

Игорь Воеводский

Словарь

Надежда Алфимова

Отдел рекламы и

распространения

Халида Желнова

Журнал для детей

среднего школьного возраста

от 11 до 14 лет включительно.

Выходит один раз в два

месяца.

Адрес редакции:

191186, Санкт-Петербург,

Невский пр., 44, 5 этаж, офис 4.

Телефоны:

110-59-42, 110-59-54

e-mail: autobus@eclectica.spb.ru

Зарегистрировано

Северо-Западным

Региональным управлением

Комитета Российской

Федерации по Печати

(г. Санкт-Петербург)

Рег. № П 1565 от 4 декабря

1998 года

Подписано к печати 20.12.2004

Тираж 3 000 экз.

Отпечатано в типографии

ВЗЛЁТ

Заказ № 1972

С.-Петербург, Воздушная ул., 11,

корп. 2, лит. А.

Подписной индекс 83042

Приобрести журналы

в С.-Петербурге можно

в киосках «Роспечать»

и «Метропресс»,

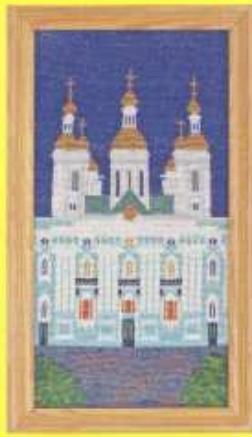
«Союз издателей и

распространителей»

в магазинах «Академкниги»

и «Доме книги».

Предыдущие номера можно
приобрести в редакции.

Всем нам даны от рождения ноги, руки, глаза, уши, голос, разум... И нам лишь в страшном сне может присниться жизнь в детском доме для инвалидов и умственно отсталых. А каково тем, кто живёт там? Кто с трудом ходит или не может... досчитать до трёх? И при этом понимает, что отличается от других! Можно всю жизнь стенать и плакать, а можно...

2 сентября 2004 года в Музее семьи Бенуа в Петергофе открылась выставка «РАДУГА БИСЕРА». Авторы работ – ваши сверстники из детских домов Петергофа, Павловска, Петербурга. Среди них ребята из Павловского Детского дома-интерната № 4 для детей с отставанием в умственном развитии.

О том, как создаётся такое чудо из бисера, рассказывает педагог Нина Витальевна Васильева: «Каждая картина – плод кропотливейшего труда. Сначала на раму натягиваются вертикальные нити (по 10 нитей на сантиметр!). Бусинки нанизывают на горизонтальные нити. Пока бусинка не очутится на своём месте, её нужно пропустить под десятками вертикальных нитей. Картина размером 50 на 25 сантиметров состоит из 37 тысяч бусинок, и каждую надо закрепить. На создание такой картинки уходит несколько месяцев. И знаете, эта работа меняет детей, у них улучшаются зрение, память. Представляете, сколько деталей, цифр, операций должна держать в своей памяти мастерица. У Оксаны Талашко, например, сначала ничего не получалось, я дала ей совсем простое задание. Потом она сделала картину на 40 бусинок, потом на 60...»

Вглядитесь в эти изумительные работы и в лица их создателей. А вы бы так смогли?

На фотографиях:

Оксана Талашко со своей работой «Исаакиевский собор»

Работы:

Марии Кольцовой. «Девочка на санках»

Ирина Куликова. «Набережная Фонтанки»

Ира Куликова. «Лавра»

(18)

Подписной индекс 83042

